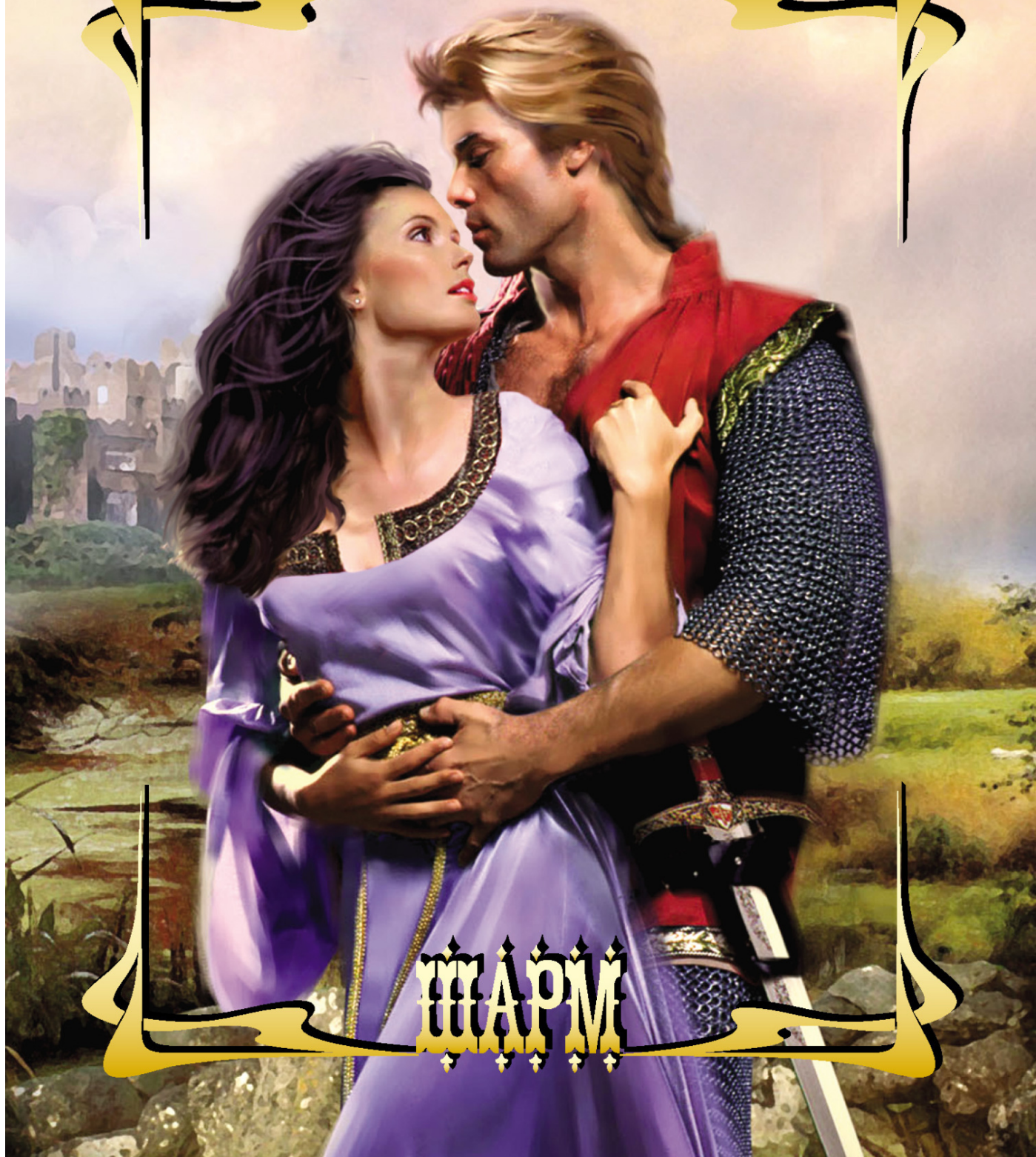

МОНИКА МАККАРТИ

Тризрак моей любви

МАРИМ

Шарм (АСТ)

Моника Маккарти
Призрак моей любви

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Маккарти М.

Призрак моей любви / М. Маккарти — «Издательство АСТ»,
2016 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-136366-6

Война за независимость расколола шотландскую знать – половина поддерживает короля Роберта Брюса, половина, по тем или иным причинам, стоит за англичан. Распадаются семьи и кланы, сыновья идут против отцов... В эти грозные времена Джоан Комин, дочь легендарной вдохновительницы борцов за свободу леди Изабеллы Макдуфф, превратилась в прекрасную шпионку по прозвищу Призрак, которая выведывает секреты у английских военачальников и передает информацию людям Брюса. Ей удается оставаться неуловимой, пока на пути ее не оказывается шотландский рыцарь сэра Александр Ситон... Разумом он понимал, что должен выдать Джоан, но с первой минуты загоревшееся страстью к ней сердце твердило иное. Однако идет война, и если Алекс выберет любовь, то навеки потеряет рыцарскую честь...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-136366-6

© Маккарти М., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Моника Маккарти

Призрак моей любви

Monica McCarty
The Ghost

© Monica McCarty, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

*Благодарю всех читателей, прошедших вместе со мной путь от
«Возлюбленной война» до «Призрака моей любви»!*

Предисловие

Год тысяча триста четырнадцатый от Рождества Христова...

Война Роберта Брюса с Англией за шотландский трон подошла к решающему этапу: на чашу весов брошена свобода народа.

Прошло восемь лет после сокрушительного поражения в битве при Метвене, когда Брюсу, словно преступнику, пришлось бежать из собственного королевства, он избегал открытой схватки с англичанами на поле боя – смертельного противостояния двух армий. Вместо этого, окруженный лучшими воинами Хайлендской гвардии, он вел «тайную войну», прибегал к разбойничьим приемам, нападал из засады, хитростью и обманом побеждал своих врагов – как англичан, так и шотландцев – и освободил от захватчиков большую часть важнейших шотландских замков-крепостей, уничтожив размещенные в них английские гарнизоны.

Но только этим довольствоваться было нельзя. Без победы в решающем сражении – без знака воли Господней – законность притязаний Брюса на престол не признали бы ни англичане, ни остальной христианский мир. Однажды ему придется вступить в последнюю, главную битву. Между тем армия англичан вновь готовится к походу на Шотландию, и Брюс должен определиться, настал ли тот решающий час.

Пока войска трубят сбор, стягивают силы и готовятся к, возможно, величайшей битве всех времен, Брюсу снова предстоит довериться воинам тайной Хайлендской гвардии, как настоящим, так и бывшим.

Пролог

Замок Хейгерстаун, Нортумберленд, Англия

Конец сентября, 1306 год

Ужасная, гнусная ложь! Если бы она узнала об этом, не подслушивая тайком разговор двух надоедливых женщин, которых отец приставил присматривать за ней, Джоан Комин обязательно так бы и сказала.

Это просто не могло быть правдой. Ни один рыцарь не поступил бы так с женщиной. Даже английский король Эдуард, называющий себя «Молот Шотландцев», не способен на такую чудовищную жестокость.

Или способен?

Она почувствовала, как страх больно кольнул в груди. Джоан почти никогда не плакала, но сейчас ее глаза наполнились слезами, и она выскользнула из алькова, где читала книгу. Затем бесшумно поспешила вниз по витой лестнице замка на севере Англии, служившего им временным пристанищем. Ей хотелось закрыть уши руками, чтобы заглушить оскорбительные слова, звеневшие в ее голове. Покарать... изменница... клетка.

Нет! Сердце бешено колотилось, когда она пробежала через просторный главный зал, не обращая внимания на любопытные взгляды, которыми все присутствующие ее провожали, и бросилась к уединенным покоям отца. Распахнув большую дубовую дверь, Джоан ворвалась в комнату.

– Это неправда! Не может быть!

При виде сердито сдвинутых бровей на лице отца она осеклась и замерла. Внезапно опомнившись, Джоан выругала себя за то, что забыла постучать. Джон Комин, граф Бьюкен, терпеть не мог, когда его беспокоили, и хотя он редко обращал свой грозный гнев на дочь, одна мысль о том, что он может это сделать, заставила ее сердце забиться чаще.

– Ты забываешься, дочь моя. Что ты себе позволяешь? Как видишь, – он обвел рукой подюжины рыцарей и баронов, сидевших за столом, – я очень занят.

Джоан тотчас почувствовала себя виноватой. Она прижала руки к груди и склонила голову, стараясь выглядеть скромной, почтительной – два этих качества отец больше всего ценил в женщинах (и в двенадцатилетних девочках, еще не достигших поры женского расцвета).

Потом она умоляюще подняла большие глаза.

– Пожалуйста, простите меня за то, что помешала вам, отец. Но я кое-что слышала... – Джоан понизила голос, хорошо зная, чем грозят ей эти дерзкие слова. – О матушке.

Она снова быстро опустила глаза, но успела заметить, как красивое лицо отца исказилось от ярости. Когда при нем упоминали о жене, от брака с которой он собирался вскоре избавиться, в лучшем случае граф терял всякое самообладание и рассудительность, а в худшем – впадал в неистовство, и тогда никто не мог предсказать, до чего доведет его гнев.

В комнате повисла гробовая тишина. Казалось, в воздухе сгустились напряжение и неловкость.

– Оставьте нас, – резко бросил отец своим людям.

Все с явной охотой исполнили его распоряжение: поспешно проследовали к двери, не глядя на Джоан и стараясь не встречаться с ней взглядами.

Ее сердце упало. О господи, что, если это все же правда?

Слезы обжигали веки, и Джоан подняла взгляд на мужчину, сидевшего за огромным столом. Она не назвала бы его ласковым и любящим – отец никогда таким не был. Но в этом холодном, угрюмом, жестком человеке, каким он стал за последние полгода, сейчас невозможно было узнать ее родителя.

– Если ты говоришь о наказании вероломной твари, – жестокие слова заставили Джоан вздрогнуть, хотя она не раз слышала их от отца, – то это чистая правда, не сомневайся.

Кровь отлила от ее лица, колени ослабели. Бледная как смерть, девочка пошатнулась и, чтобы не упасть, рухнула на только что опустевшую скамью напротив отца.

– Но этого не может быть. Я слышала, что ее заперли в клетку и выставили на крепостном валу замка Берик... словно животное.

Взгляд отца стал колючим, жестким, холодным, как оникс, в глазах мелькнула несомненная злоба.

– Это правда.

От ужаса Джоан забыла об осторожности.

– Но это же варварство! Кто выдумал такое? Вы должны вмешаться, помочь ей! Король вас послушает.

Даже в Англии шотландский граф Бьюкен пользовался немалым влиянием. Мать Джоан тоже была важной особой. Изабелла Макдуфф, дочь прежнего графа Файфа и сестра нынешнего, принадлежала к одному из древнейших и знатнейших семейств Шотландии. Казалось невысказанным, что король Англии Эдуард мог подвергнуть подобному наказанию женщину, да вдобавок благородную даму, графиню, чье положение столь высоко... Конечно же, отец сможет положить этому конец.

Лицо графа побагровело, в глазах вспыхнул дьявольский огонь.

Девочка съезжилась при виде отцовского гнева, который сама же так опрометчиво и вызвала.

– Я и пальцем не пошевелю! Шлюха получила по заслугам.

У Джоан перехватило дыхание, слезы душили ее. Матушка не шлюха! Ей хотелось кричать, спорить, но страх сковал язык.

Должно быть, угадав ее мысли, отец ударил кулаком по столу. Казалось, содрогнулась не только Джоан, но и вся комната.

– Возложить корону на голову своего любовника для нее оказалось мало, она, говорят, пустила в свою постель пирата, самого отъявленного злодея на всех Западных островах¹. Лахлана Макруайри, – выплюнул он с отвращением, в уголках его рта пузырилась слюна. – Мерзавца, разбойника. Если ее заперли в клетку, точно зверя, то только потому, что бешеная похотливая тварь это заслужила.

Джоан любила мать больше всех на свете. Она не желала верить злым рассказам о ней. Люди лгали, чтобы ее опорочить. Подобная храбрость в женщине казалась им диковиной, противоестественной. Они выдумывали объяснения тому, что женщина осмелилась пойти наперекор воле не только мужа, но и самого могущественного короля во всем христианском мире. Осмелилась короновать «мятежника».

Но Роберт Брюс был для Изабеллы как брат, а не любовник. А что до Лахлана Макруайри... Джоан помнила грозного воина, что проник в ее спальню посреди ночи вскоре после того, как матушка покинула замок Балвени и уехала в Скун на коронацию Брюса. Тот воин объяснил, почему Изабелла, вопреки своему желанию, не смогла взять с собой дочь. Он возглавлял отряд Хайлендской гвардии, отправленный охранять матушку, только и всего.

– Она замерзнет, умрет от холода, – слабо прошептала Джоан, пытаясь вызвать в отце хоть каплю жалости к женщине, что была ему женой тринадцать лет. К той, которую он любил так сильно, что не спускал с нее глаз и всегда окружал надежным караулом. Заботился, чтобы с ней ничего не случилось.

¹ Неофициальное название северо-западной части Гебридских островов, принятое в Великобритании. – *Здесь и далее примеч. пер.*

По крайней мере, так Джоан раньше думала. А может быть, это мама хотела, чтобы она так думала. Со временем девочка все яснее начинала понимать: брак ее родителей не был счастливым. И причина – в ее отце, в нем заключался какой-то изъян. Только мама не желала, чтобы дочь это видела. Чувство, которое Джоан принимала прежде за любовь, вовсе не было ею. Это была страсть собственника, властность и необузданная ревность.

– Пускай замерзает, – прорычал отец. – Будь моя воля, я приказал бы вздернуть ее на виселице. Я так и сказал Эдуарду, но король не решился казнить женщину. Даже ту, что заслуживает смерти. Ее заключение станет предостережением всем, кто задумает поддержать мятежного Короля-Разбойника.

Такое прозвище дали Роберту Брюсу англичане – окрестили его королем головорезов. О Брюсе и его сторонниках давно уже не было ничего слышно. Поговаривали, что они сбежали на Западные острова. На них была объявлена охота. Сколько времени пройдет, прежде чем король Эдуард схватит их?

Джоан понимала: они не вызволят ее мать, надеяться на их помощь не стоит. У Роберта Брюса и его людей и без того хватает забот: они пытаются спасти собственные жизни.

Нет, это предстоит сделать ей. Если кто-то и может помочь ее матери, так это сама Джоан. Отец привязан к ней, к «своей красавице-дочери», столь похожей на него. Она должна его разжалобить, упросить, даже если он разгневадается.

Джоан была, возможно, тихой и сдержанной, но никак не трусливой. В ее жилах текла благородная кровь двух могущественных графских родов Шотландии. Она набрала в грудь побольше воздуха и попыталась сглотнуть комок слез, подступивший к горлу. Потом подняла глаза и встретила взгляд отца.

– Знаю, вы думаете, будто она предала вас, отец, но матушка лишь делала то, что считала правильным.

– Правильным? – вскричал отец и так резко вскочил, что массивная скамья, на которой он сидел, опрокинулась с оглушающим грохотом. Обогнув стол, он схватил девочку за локоть и рывком поднял на ноги. – Как ты смеешь ее защищать?!

Может, Джоан все же была трусихой, потому что теперь испугалась не на шутку.

– Я н-не...

Но отец был глух к ее мольбам.

– Я тебе покажу, что такое «правильно», на случай если вздумаешь пойти по стопам своей матери, вероломной шлюхи. Я хотел избавить тебя от этого, но теперь вижу, что напрасно тебе попустительствовал, только избаловал. Вот ты и сбилась с пути, забыла, что такое преданность. Дочь Бьюкена... из рода Комин... никогда не назовет правильным вступление Брюса на престол.

Он потащил ее через главный зал. Одного взгляда на его свирепое лицо оказалось достаточно, чтобы даже самые любопытные отвернулись и опустили глаза. Джоан старалась успокоить отца, умоляла простить ее, но тот был слишком разъярен и не слушал.

Ледяной осенний ветер пронизал девочку насквозь, несмотря на шерстяное платье, когда отец, толчком распахнув двери, поволок ее вниз по лестнице. Он приказал запрячь лошадей, их тотчас привели.

Джоан поняла, что он задумал.

– Нет, пожалуйста, отец. Не заставляйте меня. Я не хочу видеть...

– Ни слова больше, – злобно прорычал Джон Комин. – Ты исполнишь мою волю, или я прикажу выпороть тебя плетьюми. Мне следовало пороть твою мать, чтобы выбить из нее своеволие. Так мы избежали бы бесчестья, этой гнили, поразившей нашу семью.

Джоан испуганно округлила глаза, не веря своим ушам. Плеть? Отец никогда еще не поднимал на нее руку. Но ее попытка защитить мать заставила его забыть о былой заботливости и отцовской привязанности. Не сомневаясь, что отец выполнит свою угрозу, девочка сдалась и

не сопротивлялась, когда он грубо зашвырнул ее на лошадь и они поехали прочь, через земли Нортумберленда к замку Берик. Впереди было пять миль пути.

Никогда в жизни Джоан не чувствовала себя такой несчастной, как в ту минуту, когда они въехали в ворота замка. За время пути она не проронила ни слова. Отец казался ей незнакомцем, суровым безжалостным тираном, таким же, как английский король, которому он служил.

Уже стемнело, ее вытащили из дома без плаща и перчаток, руки и уши у Джоан замерзли.

Каково это, сидеть в клетке на самом верху башни?

Девочка содрогнулась то ли от ужаса, то ли от холода, а может, от того и другого вместе.

О господи, это невыносимо! Видеть, как матушка так жестоко страдает...

Но если и была у нее надежда попытаться снова тронуть сердце отца, воззвать к его милосердию, то мысли эти исчезли, когда он рывком сдернул ее с лошади. Их взгляды встретились, и Джоан поняла: уговоры бессмысленны, он будто обезумел.

Она шла, опустив голову, сколько могла. Но когда они оказались в толпе зевак, отец велел ей смотреть.

Позабыв о страхе, она взмолилась:

– Пожалуйста, отец, не заставляйте меня...

– Смотри, черт тебя побери! – Он обхватил ладонью ее подбородок и силой вынудил посмотреть вверх на крепостную стену. – Смотри, что бывает с изменниками и шлюхами, которые предают свою семью и встают на сторону лжекоролей.

В первый миг разум Джоан взбунтовался и скрыл от нее чудовищное, варварское зрелище за мутной пеленой. Но спасительная слепота длилась всего одно мгновение. Словно видения из ночного кошмара, в сгущающихся сумерках проступили тени. Все яснее и яснее становились они...

Колья деревянной решетки... железный каркас... тесная клетка, в которой едва можно стоять, выставленная на потребу жадной до зрелищ толпы... презрительные взгляды и ухмылки зевак.

Нет! Из раскрытого рта Джоан вырвалось невольное рыдание – она заметила какое-то движение в клетке.

– Мама! – Девочка всхлипнула и бросилась к башне, словно хотела освободить пленницу. Она рвалась к матери всем своим существом. Она должна была что-то сделать. Положить конец этому уродливому фарсу. Разве можно обращаться так с людьми? Разве мама способна вынести такое? «Ох, матушка, мне так горько!»

Она успела сделать лишь несколько шагов, когда отец схватил ее и оттащил назад. Джоан начала кричать, брыкаться, но он заставил ее замолкнуть.

– Сделаешь только хуже, – предупредил он. – Хочешь, чтобы она тебя услышала? Думаешь, твоя мать хотела бы, чтобы ты видела ее такой?

Джоан понимала: отец лишь пытается избежать скандала, ему безразличны чувства ее матери. Но слова его достигли цели. Девочка чувствовала: мама не вынесет, если узнает, что дочь заставили смотреть на ее мучения.

И все же она не желала сдаваться. «Ты должна что-то сделать, – сказала она себе. – Матушке нужна твоя помощь».

Уже не опасаясь навлечь на себя гнев отца, она заговорила снова:

– Пожалуйста, отец, умоляю вас. Пожалуйста, помогите ей. Вы не можете оставить ее там.

Но он смог. Именно это и сделал граф Бьюкен, невзирая на мольбы рыдающей дочери, потащив ее к воротам замка.

Никогда прежде Джоан не чувствовала себя такой беспомощной. Она потерпела неудачу. Колени ее подогнулись, она упала бы на землю, если бы отец не удержал ее за локоть.

Боль и отчаяние на лице дочери заставили графа наконец опомниться. Черная пелена гнева, застилавшая ему взор, рассеялась.

Казалось, отец с опозданием понял, что, возможно, слишком далеко зашел. Он подхватил дочь и прижал к себе, словно красивую куклу из тех, что покупал ей, когда она была ребенком.

– Мне жаль, что тебе пришлось это увидеть, дочка. Но это ради твоего же блага.

Джоан посмотрела на него как на безумца. Разве такое может быть ей во благо? Этого она никогда не забудет. В память навсегда врезалась беспощадная жестокость отца, который привез ее сюда.

Должно быть, выражение лица дочери встревожило его. Джону Комину явно было не по себе, когда он отвел прядь волос с ее лица. Коснувшись холодной кожи Джоан, отец почувствовал, что девочка замерзла. Он сорвал с себя плед и укутал ее.

– Твоя мать мертва для нас обоих, – добавил он. – Мы никогда больше не будем говорить о ней.

В этом Джон Комин оказался прав. Они больше не говорили о матери Джоан. Но смерть настигла не мать, а отца девочки. Два года спустя жестокая лихорадка уложила его в постель и вскоре свела в могилу.

Джоан не горевала по нему.

Он умер для нее в тот день, когда привез ее к замку Берик и заставил смотреть на мать в подвешенной на стене клетке. В тот день отец преподавал ей урок, однако добился отнюдь не того, на что рассчитывал. Джоан навсегда запомнила ту жестокую сцену, муки матери и чувство собственного бессилия. С тех пор поселилась в ее душе лютая ненависть к королю, что обрек на поругание несчастную женщину, и к человеку, который отказался даже пальцем пошевелить, чтобы помочь ей. С того дня она стала смотреть на отца другими глазами.

Многое изменилось для нее тогда бесповоротно, навсегда. В войне между Шотландией и Англией она больше не была сторонним наблюдателем. Отныне самым горячим ее желанием стало увидеть, как король Англии Эдуард будет повержен и Роберт Брюс взойдет на трон – лишь это имело теперь значение. Она не смогла освободить мать из клетки, но поклялась сделать все возможное, чтобы страдания той не оказались напрасными.

Лучше бы ее избили плетью. Рубцы от плети, по крайней мере, заживают.

Глава 1

Замок Карлайл, Камбрия, Англия

16 апреля 1314 года

– Вы сводите меня с ума, – прошептал молодой рыцарь, исступленно покрывая поцелуями ее шею. – Боже, вы восхитительно пахнете.

Хотела бы Джоан сказать то же самое о своем кавалере, но сэр Ричард Фицджеральд, правая рука графа Ольстера, командующего военным флотом Ирландии, заключил ее в объятия после обильного обеда, от него так и разлило копченой селедкой. Излишне говорить, что Джоан не очень-то жаловала это кушанье.

Когда он снова попытался прижаться губами к ее губам, Джоан поспешно отвернула голову. Ее не остановила бы даже заманчивая перспектива узнать подробности передвижения всего английского флота.

– Мы не можем, – тихо произнесла она с легким придыханием. Причиной хрипотцы в голосе была вовсе не страсть, но старание удержать на расстоянии настойчивого поклонника, уставшего слышать вечные отказы. – Нас могут увидеть.

Потому она и выбрала для встречи именно это место. Уединенное, но не слишком. Джоан всегда тщательно продумывала план побега и не позволяла отрезать ей путь к отступлению.

Она проворно выскользнула из осьминожьих объятий сэра Ричарда. Ловкость ее движений говорила об изрядном опыте – похоже, прежде ей не раз доводилось ускользать от мужчин, чьи руки походили на щупальца гидры. Джоан обеспокоенно огляделась по сторонам, будто желая доказать правоту своих слов.

Они стояли в тихом уголке сада возле стены замка. Джоан объявила, что желает прогуляться после долгой трапезы. Это она и собиралась сделать, но сэр Ричард последовал за ней и затащил за одну из шпалер, увитых цветущими розами.

Молодой капитан сердито нахмурился, покрасневшее лицо его горело от неутоленного желания. Светлые глаза, золотисто-рыжие волосы, красноватая обветренная кожа и крепкое сложение выдавали в нем кровь ирландских предков. Он не был лишен привлекательности. Впрочем, едва ли это имело значение. Джоан давным-давно потеряла интерес к красивым молодым рыцарям.

– Нас никто не увидит, если вы согласитесь пойти в мои покои. Мой оруженосец может провести ночь в казарме.

– Это невозможно, – вспыхнула Джоан, будто предложение ее смутило и потрясло, хотя подобное она слышала далеко не впервые.

Наверное, женщине менее искушенной, мало знакомой с мужскими повадками, улыбка сэра Ричарда показалась бы очаровательной.

– Ничего предосудительного не случится, – заверил он и нежно провел пальцем по ее щеке.

Ну разумеется. Слишком часто приходилось ей выслушивать подобные лживые обещания, и с каждым разом все труднее становилось разыгрывать невинность, изображать наивное изумление. Джоан справилась с собой, но это далось ей не без усилия.

– Вы уверены?

Он кивнул и вкрадчиво добавил охрипшим голосом:

– Мы можем просто немного побыть наедине. Я думал, вы этого хотите.

Джоан от волнения закусила губу, словно обдумывая грязное предложение. Глаза рыцаря загорелись, взгляд не отрывался от ее рта. Должно быть, сэр Ричард уже воображал себе всевозможные непристойности.

– Конечно же, хочу, – отвечала Джоан. – Но это слишком опасно, вдобавок к чему спешить, у нас впереди много времени...

– Все нет, – буркнул он, теряя терпение. Вот уже две недели молодой капитан пытался ее соблазнить, но, к своей досаде, не продвинулся дальше нескольких сорванных тайком поцелуев. А он еще считал ее легкой добычей. – Вчера я получил приказ. Уезжаю через три дня.

Итак, в ее распоряжении наконец были сведения, за которыми она так долго охотилась! Джоан начала уже сомневаться, что услышит от этого олуха хоть что-то важное. Обычно молодые рыцари любят хвастать своими подвигами, пускать дамам пыль в глаза, потому она и избрала их своей мишенью (вдобавок у них нет жен). Но сэр Ричард оказался, к несчастью, на редкость неболтливым и откровенничать как будто не собирался.

До этой минуты.

Свое радостное волнение и живой интерес она спрятала под маской беспокойства.

– Приказ? Так вы покидаете нас? Я думала, всех вас соберут в Берике не раньше июня.

– Я отправляюсь не в Берик. – Его голос звучал рассеянно, а взгляд снова опустился к ее груди, как бывало уже не раз. – Боже, как вы прекрасны. Другие женщины и в подметки вам не годятся.

Казалось, сэр Ричард собрался снова ее поцеловать. Джоан нервно вильнула в сторону и быстро проговорила:

– Не в Берик? Так значит, война закончилась?

Молодой капитан с трудом оторвал похотливый взор от ее груди. Джоан надеялась, что он видит в ней всего лишь глупышку, такую же бесхитростную, как ее вопросы. Судя по его довольной, чуть снисходительной усмешке, ее надежды оправдались.

– Нет, война еще не закончилась. Но долг призывает меня выйти в море, опередив наступление армии.

Именно поэтому она и терпела его общество. Ходили слухи, что графу Ольстеру, которому служил сэр Ричард и который в эти дни встречался в Йорке с королем Эдуардом, поручат отвечать за снабжение гарнизонов оружием и провиантом в преддверии вторжения англичан. Король Роберт Брюс будет рад узнать об их планах. Хоть Ольстер и приходился Брюсу тестем, однако он был преданным вассалом Эдуарда Английского.

Джоан сделала вид, будто известие о скором отъезде молодого рыцаря привело ее в отчаяние:

– Но куда вы едете? И когда вернетесь? Это опасно?

Возможно, сэр Ричард и ответил бы на ее вопросы, но Джоан этого так и не узнала. Шум приближающихся голосов быстро положил конец разговору. Капитан наклонился и торопливо поцеловал ее в губы, увернуться она не успела. Проклятая селедка.

– Увидимся позже, – прошептал он прежде, чем ускользнул прочь.

«И не мечтай. Скорее уж в преисподней, в дьявольском саду», – содрогнулась про себя Джоан. Во всяком случае, пока у нее есть все средства этого избежать.

Она мысленно выругалась, понимая, что, наверное, другого такого шанса уже не представится. Потом вышла из-за шпалеры навстречу нескольким дамам, которые так некстати оборвали важную беседу – те как раз обогнули угол высокой и густой живой изгороди, окружавшей несколько пышных цветочных клумб.

Джоан была так близка к цели. Но ее план спасения на случай опасности сработал слишком хорошо. Она не хотела рисковать, оставаясь наедине с сэром Ричардом слишком долго. Вдобавок Джоан не знала, как долго еще сможет удерживать его на расстоянии. Она затеяла опасную игру и хорошо сознавала, что ходит по тонкому льду.

Не в первый раз поощряла она ухаживания мужчины, чтобы добыть важные сведения. Вот уже почти шесть лет Джоан служила тайным осведомителем Роберта Брюса.

Вскоре после смерти ее отца, верный сторонник Брюса, глава епархии Сент-Эндрюс, епископ Уильям Ламбертон, пребывавший в то время в Англии, осторожно подступился к Джоан, чтобы узнать, пожелает ли она стать посредницей между Брюсом и его женой, заключенной в тюрьму. Королева Елизавета, вместе с мятежной Изабеллой Макдуфф захваченная англичанами, избежала клетки, но томила в каземате под надзором сэра Хью Деспенсера – старшего, новоназначенного опекуна Джоан.

Предложение епископа оказалось той самой возможностью, которой Джоан так долго ждала. Ей страстно хотелось сделать хоть что-то, и, разумеется, она немедленно согласилась. Хотя, надо признать, тогда она понятия не имела, во что ввязывается. С годами ее роль становилась все более значительной и опасной. После того как ее лживо объявили незаконнорожденной и лишили наследства, а затем отослали жить с ее кузиной Элис Комин, женой сэра Генри де Бомонта, одного из наиболее могущественных баронов короля Эдуарда на севере, Джоан из посредницы превратилась в шпионку. Положение ее в доме де Бомонта неожиданно открыло ей доступ к ценнейшим сведениям и важным фигурам.

Лишенная покровителей и защитников, девушка «нечистой» крови, чья мать покрыла себя позором, считалась легкой добычей. Мужчины досаждали ей своим назойливым вниманием с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать. Тогда она была слишком юной, чтобы защитить себя, но, в конечном счете, нашла способ обернуть их преследования в свою пользу.

Хотя некоторые из ее поклонников, подобно сэру Ричарду, решительно не желали принимать отказ, с годами она научилась сдерживать натиск даже самых настойчивых. Во многом благодаря человеку, который стал ей верным стражем с того дня, как узнал, что она тайно служит Брюсу.

Лахлан Макруайри, спаситель ее матери, ставший позднее той мужем, научил Джоан бесшумно двигаться, оставаясь незамеченной. От него узнала она, как выпутаться из самого безнадёжного положения и защитить себя в случае необходимости. Благодаря ему она стала частью Хайлендской гвардии, вошла в отряд лучших воинов Брюса, которым поручались самые опасные миссии. Один лишь Лахлан знал, кто она такая, остальные бойцы называли ее просто Призраком.

Наверное, они и сами не понимали, как подходит ей это прозвище. Почти все время Джоан ощущала себя тенью. Она вроде бы здесь, но в действительности ее нет. На самом виду, и все же незрима. Бесплотный дух, которого нельзя коснуться. Та, кому неведомы чувства.

Дамы остановились, чтобы обменяться приветствиями с Джоан, но не пригласили ее прогуляться вместе. Джоан ничего другого не ждала и не почувствовала разочарования. Она давно усвоила урок: если многого не ждать от людей, то их невнимание и черствость не ранят. Впервые она убедилась в этом на примере отца, а затем не раз находила подтверждение в своих наблюдениях.

Джоан вдруг спохватилась, что уже поздно – кузина вот-вот начнет ее искать, попросит помочь ей выбрать наряд для ужина (занятие это, похоже, отнимало у нее большую часть предвечернего времени). Она торопливо миновала мост, перекинутый через ров, вошла в ворота с поднятой решеткой и оказалась во внутреннем дворе.

Будучи хранителем королевского замка, де Бомонт занимал самые большие покои верхнего этажа новой двухъярусной башни, которую окончательно достроили лишь несколько лет назад. Джоан как бедной родственнице кузины Элис выделили тесную клетушку, примыкавшую к «господским покоем». Места там было немного, но из окна открывался вид на земли за восточной стеной замка, а главное... закуток принадлежал ей одной. К сожалению, кузина задержала ее надолго, прошло несколько часов, прежде чем Джоан смогла уединиться в своей каморке.

Вначале она не заметила в комнате ничего необычного. Джоан сдернула плед, которым укутывала плечи, бросила его на кровать, скинула туфли, вынула из волос шпильки и небрежно уронила их на крошечный туалетный столик, затем подошла к окну.

И на мгновение оцепенела. Короткую шелковую нитку, которую она привязала к засову на ставнях, кто-то оборвал.

Джоан охватило радостное волнение. Наконец-то! Он здесь. Это была их любимая игра. Лахлан издавна славился своим умением незаметно появляться где угодно и исчезать, оставаясь невидимкой, а Джоан все эти годы пыталась его поймать.

Пыталась. Но безуспешно. Во всяком случае, до сих пор. Улыбка тронула ее губы, что случалось нечасто. Ее переполняло чувство столь давно забытое, что она насилу его узнала. Счастье.

Быстро подскочив к шкафу, она распахнула дверцу.

– Здравствуйте, отец.

Привычка называть Лахлана отцом возникла как знак признания его старшинства (ему миновало сорок, а ей едва исполнилось двадцать). Но Джоан знала: теперь это не только жест почтения. Человек, которого Джон Комин называл негодяем, разбойником и пиратом, был ей куда лучшим родителем, чем родной отец.

Впрочем, выбираясь из-за ее платьев, рослый плотный воин бранился отнюдь не потцовски. Он свирепо хмурился, однако у человека, получившего боевое прозвище Змей, подобное выражение лица означало лишь легкую досаду.

– Как ты догадалась?

Джоан скрестила руки на груди и насмешливо выгнула бровь, подражая самому Лахлану.

– Вы ведь не ждете, что я расскажу вам все мои секреты?

Многие из тех, кто знал Макруайри, удивились бы, увидев, как легко растянулись в улыбке его губы. Безжалостный разбойник с черной душой изменился, хотя, наверное, скорее умер бы, чем это признал. В конце концов, ему приходилось заботиться о своей репутации.

Лахлан кивнул и жестом предложил Джоан сесть. Она опустилась на край кровати, а он занял место напротив, на каменном подоконнике. Потом бросил выразительный взгляд на дверь. Джоан покачала головой.

– Моя кузина с сэром Генри все еще в главном зале.

Воин кивнул и заговорил:

– Каррик попытается захватить замок сегодня ночью, нападет со стороны восточной стены. – Он сухо взглянул на девушку. – Я знаю, тебе это не по нраву (видит бог, твоя мать в точности такая же – осторожность противна ее природе), но постарайся держаться в стороне и не лезть в самое пекло, хорошо?

Джоан рассмеялась.

– Я постараюсь. Признательна вам за предупреждение. Надеюсь, план графа по-настоящему хорош. Англичане в бешенстве от того, что Брюс отвоевывает замки один за другим. Они не отдадут без боя одну из важнейших своих цитаделей. Думаю, излишне вам объяснять, как хорошо охраняется крепость.

– Да, черт возьми, мне пришлось изрядно потрудиться... – Он осекся и с подозрением прищурился. – Если это уловка, чтобы выведать у меня, как я проник в замок, она не работает. – Джоан с самым невинным видом захлопала ресницами, но Лахлан не поверил ей ни на грош. – Боже милостивый, теперь я знаю, откуда это у нее! – Джоан недоуменно вскинула брови. – Речь о твоей сестре. Кристина смотрит на меня точно так же всякий раз, как выкинет какую-нибудь шалость, что, похоже, вошло у нее в привычку.

Сердце девушки невольно сжалось. Когда Лахлан вызволил ее мать из темницы, Джоан не вернулась вместе с ней в Шотландию и никогда не сожалела о принятом решении. Дочь Изабеллы Макдуфф выбрала свой путь, зная, что это путь одиночества. Но ей было горько от

того, что она никогда не видела других детей своей матери. Теперь их было уже трое: Эрик, которому через несколько месяцев должно было исполниться пять, Кристина трех с половиной лет и почти полуторагодовалый Робби.

– Вы знаете, чему учит Библия: «Что посеет человек, то и пожнет»².

Лахлан со вздохом покачал головой.

– Твоя мать мне так и говорит.

Джоан улыбнулась.

Названный отец рассказал ей все, что знал о плане захвата замка. Замысел Эдуарда Брюса показался ей скорее безрассудным порывом, нежели тщательно продуманным маневром. И, судя по тону Лахлана, тот вполне разделял ее мнение. Должно быть, граф Каррик рассуждал примерно так: «Почему бы не попытаться, раз уж мы здесь?»

– Значит, основная часть людей атакует главные ворота, а в это время небольшой отряд воинов в черных плащах попытается перебраться через крепостную стену между двумя башнями позади кухни? – подвела итог Джоан и сухо прибавила: – Кажется, нечто подобное я уже слышала. Похожую тактику применили Джеймс Дуглас при захвате замка Роксбург и Томас Рэндольф при взятии Эдинбургского замка.

Лахлан удрученно покачал головой:

– Брат короля никогда не отличался изобретательностью. Думаю, он устал слушать о подвигах Дугласа и Рэндольфа и решил тоже показать себя героем, проявить «великую боевую доблесть». Просто смотри не показывайся возле кухни после полуночи.

– Никаких ночных лакомств, обещаю. Даже если испекут яблочные пироги.

Макруайри шутливо погрозил ей пальцем и усмехнулся.

– А теперь ты говоришь в точности как Эрик. Не спускай глаз со своих сластей, если рядом этот проказник, стоит только отвернуться... – Джоан улыбнулась, но, встретившись взглядом с Лахланом, заподозрила, что тот угадал ее мысли: едва ли ей представится случай познакомиться с малышом Эриком. По крайней мере, пока идет война, а ее игру не раскрыли. Здесь, в замке, она была слишком ценной союзницей. Но если ее разоблачат... ну да, они оба знали, что случится тогда. – Чуть не забыл. У меня для тебя кое-то есть, – объявил Лахлан.

– Пирог? – Джоан попыталась смягчить шуткой странное волнение, повисшее в воздухе. Но это не помогло.

– Нет, – серьезно сказал Лахлан. – Вот это. Ты теперь одна из нас, а поскольку татуировка тебе не пристала, я подумал, что это, возможно, подойдет.

Он протянул ей золотой браслет. Изящный, в форме кольца примерно двух с половиной дюймов шириной. Замочек защелкивался на запястье – маленький стерженек входил в две крохотные петельки. Снаружи браслет украшала прекрасная филигрань, изысканный орнамент, напоминавший старинные кресты на церковных дворах. Дома, в Бьюкене, на северо-востоке Шотландии. Но при виде внутренней стороны кольца у Джоан перехватило дыхание.

Она подняла глаза на отчима, в горле у нее стоял ком. Тонкий рисунок, выгравированный на золоте изнутри, был хорошо ей знаком, хотя она никогда его не видела. Стоящий на задних лапах лев и паутина служили отличительным знаком членов гвардии, такой татуировкой они украшали себе руку пониже плеча. Ее же знак был особенным, более личным: рисунок дополнял нечто очень важное для Джоан – две крошечные розы. Бледно-красная роза стала символом для тех, кого возмущало варварски жестокое наказание, которому подвергли ее мать.

Джоан молчала, не зная, что сказать. Она боялась, что, стоит ей заговорить, Лахлан поймет, как много для нее значит его дар. Джоан привыкла скрывать свои чувства. Скрытность стала частью брони, которой она себя защищала, это помогало ей нести свою тайную службу.

² Послание к галатам Св. Апостола Павла 6:7.

– Браслет прекрасен. Спасибо, – с усилием проговорила она. – Это... много для меня значит.

Лахлан кивнул. Возможно, он понимал больше, чем ей бы хотелось.

– Его изготовил Скала. – Джоан слышала о новом члене гвардии и его подвиге – он взобрался на вершину Замковой скалы, чтобы захватить Эдинбургский замок. – Думаю, мне не нужно тебе говорить, чтобы ты остерегалась. Слишком многие знают, что означают эти символы.

Джоан надела браслет.

– Я буду осторожна.

– Если я тебе понадобится, передай браслет настоятелю церкви Святой Марии. – Лахлан задержал взгляд на ее лице и помолчал, словно в нерешительности. – Наверное, мне нужно идти. Меня ждут наши люди.

Она кивнула. Расставание с названным отцом всегда давалось ей тяжело. Она чувствовала себя так... одиноко. Обычно ей нравилось оставаться одной. Но лишь во время редких кратких встреч с Лахланом она могла разговаривать с другим человеком свободно, не думая об осторожности, не ощущая опасности.

Лахлан что-то вытащил из кармана и протянул ей.

– Возможно, мне не стоило передавать его тебе. Это сонный порошок, который ты просила Хелен приготовить.

Хелен Маккей, известная как Ангел, по существу, служила в Хайлендской гвардии лекарем.

Джоан старалась не ерзать под испытующим взглядом отчима, но его загадочные, немного пугающие зеленые глаза, казалось, видели ее насквозь.

– Меня мучает бессонница, – объяснила она.

Джоан думала, что Лахлан сейчас же назовет ее лгуньей, но тот промолчал.

– Хелен просила меня напомнить тебе, что снадобье не следует мешать со спиртным, от этого действие усиливается.

– Я это запомню, – рассеянно ответила она.

Ей не удалось его обмануть.

– Будь осторожнее, Джоан. Если твоя мать узнает, чем ты занимаешься...

Джоан вскинула голову.

– Я смогу о себе позаботиться, Лахлан. Я уже шесть лет это делаю. – Даже восемь, если считать со времени отъезда матери.

– Я не спрашиваю тебя, как тебе удалось добыть все эти сведения...

– Вот и хорошо, – оборвала его Джоан. – Это вас не касается.

Он оставил без внимания ее слова.

– Но до меня доходят слухи...

Джоан настороженно замерла и смерила его суровым взглядом:

– Уж вам-то следовало бы знать, что верить сплетням нельзя.

Небылицы, которые плели о нем, были намного ужаснее всего, что могли бы рассказать о Джоан.

– Может, и так, но я знаю, что в ворохе лжи часто можно отыскать крупинку правды.

Она сжала губы, всем своим видом давая понять, что не намерена продолжать разговор.

Лахлан вздохнул:

– Ты скрываешь свои мысли лучше любого воина из тех, что я знаю. В этом ты очень похожа на мать. Но не думай, что я не заметил, какой печальной ты выглядишь в последнее время. Не помню уже, когда я видел твою улыбку.

– У меня все хорошо, – заверила его Джоан. Но, видя, что ее слова его не убедили, прибавила: – Я знаю, вы тревожитесь, но напрасно. Я знаю, что делаю.

Она готова пойти на что угодно, лишь бы никому больше не пришлось видеть ее мать в клетке.

Чертовы болваны вели его на верную смерть.

Алекс ехал во главе длинной цепочки английских воинов, когда они заметили вдалеке дым.

– Шотландские налетчики, – подтвердил вскоре их дозорный, вернувшийся с новостями. – В нескольких фарлонгах впереди.

Прошло два года, но эти слова все еще отзывались дрожью в его теле, все мышцы мучительно напряглись от... разочарования? Гнева? Чувства бессилия?

Налетчик. Это боевое прозвище получил его бывший брат, Хайлендский горец Робби Бойд. Человек, который вел за собой Алекса семь лет, пока не завел слишком далеко.

«Ты сокрушишь меня, а я сотру тебя с лица земли». Карательные набеги на границе между Англией и Шотландией два года назад привели Алекса в Лондон, однако теперь он вернулся на север, и первое, что попало ему на пути, – пожар, вернее, дым от пожара.

– Сколько их? – спросил Пембрук. Эймер де Валенс, граф Пембрук, был предводителем двух сотен рыцарей и воинов, продвигавшихся на север по велению короля Эдуарда, который призвал их под свои знамена.

Алекс расстался с гвардией и покинул Шотландию – на юге Англии, вдали от боев, он мог не опасаться, что придется сражаться с бывшими братьями. Но теперь все изменилось. Король Эдуард приказал ему выступить на север с Пембруком во главе армии и готовиться к битве против войска Брюса. Подобно многим его соотечественникам-шотландцам, хранившим верность Эдуарду, Алекс служил в свите английского графа.

– Их немного, милорд, – отвечал дозорный. – Человек сорок, может, меньше. Их предводитель одет в белый плащ с красной нашивкой.

Алекс беззвучно выругался. Он слишком хорошо знал этот герб.

Пембрук еле сдержал ликование.

– Клянусь богом, это Каррик! Нам представился случай захватить единственного уцелевшего брата Брюса. Готовьте своих людей, – распорядился он, обращаясь к окружавшим его рыцарям, в числе которых был и Алекс. – Мы возьмем их в кольцо. Я не хочу, чтобы у него остался даже малейший шанс сбежать.

Хотя за последние шесть лет в подобных столкновениях англичане большей частью терпели поражение, Пембруку, похоже, не приходило в голову, что бежать, возможно, придется им самим. Алекса многое раздражало в англичанах, но больше всего их заносчивость и самоуверенность.

Опыт подсказывал ему, что предостережения в таких случаях бесполезны, однако он все же попытался призвать графа к осторожности.

– Каррик бы не проник так далеко вглубь Англии и не подобрался к самому замку Карлайл всего лишь с сорока воинами. Возможно, нам следует подождать, пока не вернутся с докладом другие дозорные.

В нем нарастало смутное беспокойство, а Алекс давно научился доверять своему чутью. Еще он усвоил, что численное превосходство противника и перевес в силах не имеют значения для воинов Брюса. Но, пожалуй, самое главное – он взял за правило не бросаться в битву, не зная наверняка, с чем придется столкнуться.

Они совершенно не знали местности, где им предстояло вступить в бой, а уже темнело.

Пембрук смерил его презрительным гневным взглядом.

– Потерять время и упустить Каррика? – Глаза его недобро сощурились. – Казалось бы, брат одного из самых прославленных рыцарей христианского мира рад будет сразиться и пока-

зять, на что он способен. Быть может, вы не горите желанием скрестить клинки со старыми своими соратниками?

Алекс оставил без внимания оскорбление, как и почти откровенные сомнения в его преданности. Все последние девять лет ему приходилось терпеть постоянное недоверие, и не важно, на чьей стороне он сражался. Алекс родился в Англии, но вырос в Шотландии – на него смотрели с подозрением и настороженностью по обе стороны границы. Подчас ему казалось, что он всегда и везде будет чужаком.

Куда труднее было смолчать при упоминании о брате. Благородный рыцарь сэра Кристофера Сетона, ближайший друг и соратник Роберта Брюса, действительно снискал славу одного из самых великих воинов во всем христианском мире. Алекс его боготворил, считал лучшим из людей. Криса вместе с другим братом Алекса, Джоном, казнили восемь лет назад – вероломство Пембрука привело их на плаху. В битве при Метвене сэра Эймер дал слово рыцаря, что не будет атаковать до утра, но нарушил клятву и послал своих людей в лагерь Брюса под покровом ночи.

Алекс устал от тайной войны сторонников Брюса, ему хотелось открыто биться на поле брани, как подобает рыцарю, это стало одной из причин, почему он почувствовал, что не в силах больше сражаться вместе с Хайлендской гвардией. Но здесь ему приходилось повиноваться приказам того, чья низкая ложь и коварство стоили жизни его братьям.

Судьба – капризная злобная тварь – любит посмеяться.

Алексу стоило огромного усилия сдержать себя и промолчать, спустить напыщенному мерзавцу самодовольную насмешку над Кристофером. Но Пембрук ошибался, если думал, будто Алексу нужно что-то кому-то доказывать. Возможно, в далеком прошлом так и было, но он уже множество раз показал свою храбрость, сражаясь бок о бок с лучшими воинами во всем христианском мире. С лучшими из лучших. Потому Брюс и выбрал их. Каждый воин Хайлендской гвардии передавал товарищам свои боевые умения и опыт. Все они отличались особым мастерством. Все, кроме Алекса. Он неплохо владел кинжалом, но в гвардию его приняли лишь из уважения к брату. Крис не мог войти в отряд – он был слишком знаменит, его узнал бы каждый встречный. Но он хотел, чтобы младший брат стал частью тайного братства.

Алекс начинал с теми, кто был намного искуснее и опытнее его. Понадобились годы, чтобы стараниями и упорством подняться наверх с самой низкой ступени. Но он сумел это сделать. И когда он решил покинуть гвардию, причиной тому был вовсе не недостаток воинского мастерства. Черт возьми, он даже победил в рукопашном бою Бойда, самого сильного мужчину во всей Шотландии, а это уже много лет никому не удавалось.

Алексу отчаянно хотелось осадить Пембрука (один удар кулака стер бы самодовольную ухмылку с лица графа), но он подавил вспышку гнева. Он был здесь для того, чтобы помочь положить этому конец, черт возьми. Если это означало, что ему придется иметь дело с подонками вроде Пембрука, так тому и быть. Жители приграничья – его братья и сестры – слишком долго несли на своих плечах бремя этой проклятой войны. Довольно, больше не будет лиц в отблесках пожара. Алекс скрипнул зубами и снова попытался урезонить графа.

– Я первым обнажу меч, если мы убедимся, что Каррик один. Дайте мне всего несколько минут, чтобы это выяснить.

– За несколько минут он может сбежать, – вмешался сэра Роберт Фелтон, командир рыцарей из свиты Пембрука (еще больший болван, чем его сюзерен). – Захватить несколько десятков голов скота не займет много времени. – Он окинул Алекса жестким взглядом. – Я возглавлю наступление вместе с Кингстоном, ла Зушем и Вески. Ваша правая рука еще слаба, проку от вас будет мало. Вы со своими людьми можете оставаться здесь, будете охранять телеги с провиантом.

После пары недель в обществе Фелтона Алекс проникся уважением к Кеннету Сазерленду за его умение сдерживать свой знаменитый буйный нрав. Когда несколько лет назад

Сазерленд вернулся в стан англичан в роли лазутчика, Фелтон стал для него истинным проклятием. Алекс удивлялся, как Сазерленд не убил тогда надменного болвана. Алекс охотно сделал бы это сам прямо сейчас. Но ему пришлось бы действовать правой рукой. Рана его зажила, только он не готов был признаться в этом.

На этот раз он не только скрежетнул зубами, но стиснул в кулаках поводья так, что костяшки пальцев побелели.

– Я получаю приказы от графа. Меня не уведомили, что командование он поручил вам.

– Это не так. – Пембрук бросил на Фелтона укоризненный взгляд. – Атаку возглавлю я. – Помимо Фелтона и рыцарей, которых тот назвал, Пембрук отобрал еще несколько человек, затем повернулся к Алексу. – Фелтон прав. Нам нужно, чтобы кто-то охранял обозные телеги. Пока ваша рука не окрепла, кому, как не вам, поручить это? Оставайтесь здесь, я пошлю за вами, если вы со своими людьми мне понадобится.

Если бы предложение исходило не от Фелтона, Алекс, возможно, только обрадовался бы, что не придется столкнуться лицом к лицу с бывшими товарищами. Проклятье! Он и был рад, не важно, кто предложил ему остаться, Фелтон или сам дьявол. Алекс надеялся, что никогда не окажется в подобном положении.

Несколько минут спустя основная часть войска поскакала прочь. Остался лишь Алекс с дюжиной воинов, которых он привел за собой из своих владений в Ист-Лотиане, да полсотни или около того слуг и мастеровых, сопровождавших армию, – от конюхов, смотревших за лошадьми, до кузнецов с подмастерьями, которые латали доспехи и подковывали коней. Эта так называемая малая армия была жизненно важна для постоянных войск, без нее не состоялся бы ни один военный поход, но продвижение конницы она осложняла и замедляла. Летучие отряды Брюса, напротив, не обременяли себя дополнительной поклажей и обозными телегами. Отчасти поэтому они добились таких успехов.

Первые звуки битвы прозвучали как раскаты грома. В холодном вечернем воздухе они слышались так отчетливо, будто раздавались в сотне шагов впереди, а не на расстоянии полумили. Свирепые крики воинов, несущихся в атаку, удивленные возгласы, ляганье стали... предсмертные вопли. Стремительный яростный натиск. По крайней мере, этого следовало ожидать, когда двести конников взяли в кольцо сорок. Но примерно пять минут спустя все вдруг переменялось. Шум сражения как будто сместился, и это подсказало Алексу: что-то случилось. Очень скоро он узнал, что именно.

Один из рыцарей Пембрука прискакал назад.

– Возьмите с собой, что сможете, и отправляйтесь в замок. Шотландцы уже на пути сюда.

Алекс пробормотал проклятие.

– Что произошло?

– Люди Каррика были не одни. Поблизости оказался граф Морей, а с ним еще по меньшей мере полсотни латников. Они поспешили на помощь, как только услышали шум боя. Нас начали теснить, пришлось отступить. Сэр Эймер с остальными скачут сейчас в замок.

Алекс оказался прав, но это не смягчило его ярости... или горечи. Иногда ему казалось, что стена, о которую он бился головой в Шотландии, последовала за ним в Англию. Вот уже два года он пытался втолковать англичанам, что нельзя недооценивать своего противника, куда разумнее вступить в переговоры и положить конец этой кровавой войне. Но, похоже, люди вроде Пембрука способны видеть лишь собственное превосходство в живой силе, латах и оружии. Это преимущество не останавливало воинов Брюса последние восемь лет. Рыцари Пембрука вдвое превосходили числом людей Каррика, но появление племянника короля изменило расклад сил. Алекса это не удивило, он сам обучал нескольких воинов сэра Томаса Рэндольфа, графа Морей.

Алекс громко отдал распоряжение своим людям захватить часть дорогих доспехов и серебра, которое сэр Эймер вез на север, чтобы расплатиться с гарнизоном в Карлайле. Затем

согнал в стадо скот и приказал «малой армии» отправляться по старой римской дороге к замку, стоявшему в нескольких милях от места привала. Слугам и ремесленникам ничто не угрожало, какие бы страшные истории ни рассказывали о «дикарях шотландцах». Алекс знал: Брюс велел своим людям убивать лишь тех, кто сражается против него. Его больше интересовал скот и деньги на закупку провианта для армии.

Воины Брюса не были ни варварами, ни дикарями, но Алекс сам по-настоящему понял это, лишь когда попытался излечить англичан от их невежества, предубеждений и предрассудков. Возможно, шотландцы наводили ужас, появляясь из темноты, словно разбойники, но они вовсе не были чудовищами.

Однако, к несчастью, в отличие от конюхов и мастеровых, Алекс и его люди не избежали бы смерти так же легко, если бы воины Брюса их схватили.

Алекс, не откладывая, направился к повозке Пембрука, чтобы забрать серебро.

Он успел пересыпать почти все монеты из деревянной шкатулки в полотняный мешок, который легче приторочить к седлу, и сгреб последнюю пригоршню ценой в пятьдесят фунтов стерлингов, когда услышал невдалеке стук копыт. Всадники приближались.

Тихонько выругавшись, он передал мешок последнему из своих людей и велел уезжать. Многие ценные вещи пришлось оставить, но что поделать.

Зная, что люди Брюса будут здесь с минуты на минуту, он в последний раз огляделся. Краем глаза он заметил какое-то движение и окаменел.

Черт побери, откуда она взялась? Из-за деревьев показалась маленькая девчушка, лет пяти или шести, не старше. Алекс в замешательстве наблюдал, как она выходит на дорогу, наперерез скачущим всадникам. Он закричал, желая ее предостеречь, но окрик не привлек ее внимания. Неужели она не слышала грохота копыт?

Должно быть, девочка почувствовала, как дрожит земля. Она вдруг остановилась прямо посреди дороги, опустила голову и замерла. Малышка стояла к нему спиной, но Алексу ни к чему было видеть ее лицо, чтобы понять: она оцепенела от ужаса.

«Уезжай, – сказал он себе и перевел взгляд на дорогу, ведущую к замку. – Ты еще можешь исчезнуть. Они заметят ее вовремя».

Но уже почти совсем стемнело, а на девочке был черный плащ...

Она повернулась и увидела Алекса. Глаза ее широко раскрылись, и на одно короткое страшное мгновение в его памяти промелькнула другая картина. Он увидел другую маленькую девочку с распахнувшимися от ужаса глазами. Она стояла на чердаке сарая и смотрела на него через проем открытой двери. Вокруг нее бушевало пламя пожара.

Пожара, разожженного им.

«О господи, я должен ее спасти. Пожалуйста, позволь мне успеть вовремя...»

Воспоминание исчезло, но осталась устремленность, обостренное чувство, что иначе нельзя. Он не мог положиться на случай в надежде, что всадники все же заметят ребенка. Не мог рискнуть еще одной невинной жизнью. Только не теперь, когда он мог ее спасти.

Он снова тихонько выругался и повернул лошадь в сторону девочки. Времени было в обрез. Первый всадник уже показался на дороге, должно быть, в сотне футов позади малышки. Ненамного дальше от нее, чем сам Алекс.

Он чертовски надеялся, что опасения его напрасны и за последние два года он не потерял умения сражаться на мечах. Алекс понимал: даже если удастся спасти девочку, уже в следующий миг ему предстоит сразиться за свою жизнь.

Щелкнув поводьями, он ударил каблуками в бока жеребца, и тот рванул с места. Склонившись к самой шее лошади, Алекс чуть замедлил ее бег, перебросил поводья в левую руку, а правой обхватил девочку за плечи и оторвал от земли, где ее могли растоптать. Затем быстро повернул коня к роще и там опустил ребенка. Стук копыт затих. Зная, что всадники окружили его в темноте, он велел девочке уходить.

Большие темные глаза на крошечном бледном личике смотрели на него в немом молчании.

Нет, она не немая, догадался Алекс, девчушка глухая. Вот почему она не услышала ни его окрика, ни грохота копыт. Заметила опасность, лишь когда почувствовала, как дрожит земля.

– Уходи, – повторил он и подтолкнул малышку в сторону деревьев. – Там тебе нечего бояться.

Должно быть, она поняла смысл его слов, хоть и не могла их слышать, потому что быстро кивнула и стремглав побежала сквозь заросли.

Еще не успев поднять глаз, Алекс почувствовал холодок угрозы: окружившие его мужчины выступили из мрака. Рука его потянулась к мечу и вдруг замерла.

Черт возьми, это не могло быть правдой.

И все же было.

Казалось, из тела его вдруг выпустили всю кровь, и она хлынула потоком. Алекс хрипло пробормотал проклятие, узнав знакомые черные шлемы с наносниками, вымазанные сажей лица, котуны – стеганые дублеты из черной кожи с нашитыми железными бляхами, темные пледы.

Дьявол! Встреча застала его врасплох. Он чувствовал, что не готов к ней. И возможно, никогда не будет готов.

Рука его безвольно повисла. Он семь лет сражался с этими людьми бок о бок и знал как никто другой, на что они способны в бою. Алекс хорошо владел мечом, но с одной рукой сражаться против девяти воинов Хайлендской гвардии не под силу даже лучшему из лучших.

Алекс всегда знал, что, возможно, когда-нибудь поплатится жизнью за то, что совершил. Просто не ожидал, что день этот настанет так скоро.

Знакомый голос нарушил тишину.

– Вижу, ты все еще усердно начищаешь свои сверкающие доспехи, сэра Алекс.

Глава 2

Алекс мысленно собрался, готовясь к тому, что встретит осуждение и враждебность. Он повернулся к человеку, наводившему ужас на всю Англию, своему бывшему собрату, люто ненавидевшему все английское, к Робби Бойду.

Но разве был готов он к страшному чувству вины, что кольнуло его в сердце, при виде презрения в глазах человека, чью дружбу и уважение он так долго и мучительно завоевывал? Временами Алексу казалось, что его приняли в братство, но подчас возникало горькое чувство, будто он бьется головой о каменную стену, которая отделяет его от остальных. Теперь же в глазах Робби он прочел обвинение в предательстве.

«Ты сделал то, чего не мог не сделать. Бойд все равно никогда тебе не доверял. На самом деле ты никогда не принадлежал к их кругу», – сказал себе Алекс. Но сознание вины, свернувшееся змеей в его груди, не отступало, жалило все больше.

– Спасать прекрасных дев в Шотландии тебе наскучило, так ты решил вонзить нам нож в спину, отправившись в Англию? – спросил Бойд.

Алекс вздрогнул, как от удара. Он ждал злых издевок, но это не смягчило горечи.

От него не ускользнул рассчитанный сарказм Бойда. Жену Робби прозвали Прекрасной Розалин, благодаря сходству с ее знаменитой прародительницей, Прекрасной Розамунд Клиффорд. В ту пору, когда Алекс еще сражался в гвардии, после ответного набега в Нореме Розалин захватили в заложницы, чтобы обеспечить соблюдение перемирия, заключенного с ее братом. Алекс не одобрял подобных мер, и это еще мягко сказано. Он всерьез схлестнулся с Бойдом из-за заложников (племянника Розалин тоже захватили в плен, но мальчику удалось сбежать).

Втягивать в войну женщин и детей и без того подло, но когда Алекс понял, что Бойд овладел Розалин, обесчестил пленницу, находившуюся под их охраной и попечением, это стало последней каплей.

Алекс почувствовал, что больше не может жить такой жизнью. Не может совершать дурные, бесчестные поступки, прикрываясь войной.

Не только слепо следовать за Бойдом, но и творить зло самому.

Алекс не забыл, как едва не сделал того, за что никогда бы себя не простил – лицо той девочки, озаренное пламенем пожара, навсегда врезалось в его память. Слава богу, он успел ее спасти, вытащить из горящего сарая, который сам же поджег во время того карательного набега в Нореме. Но в этот миг он понял: пора что-то менять. Когда он держал на руках рыдающего ребенка, которого случайно чуть не убил, в голове его будто раздался щелчок.

Все это неправильно, какие бы благородные, справедливые цели ни преследовали его собратья. Так продолжаться не может, он должен остановиться.

Он больше не мог поджигать сараи, оставлять за собой опустошенные деревни и города, видеть, как страдают невинные. Должен быть иной путь. Нельзя вечно следовать закону «око за око». «Ты сокрушишь меня, а я сотру тебя с лица земли». Так мыслили люди по обе стороны границы, потому-то война и длилась мучительно долго.

Глядя на заплаканное, черное от копоти личико ребенка, Алекс ясно осознал, что это никогда не закончится. Слишком далеко все зашло. Идет война на истощение, она будет тянуться еще многие годы. Люди Алекса будут сражаться на англо-шотландской границе, а страдать будут маленькие девочки, такие как эта.

Он понял: бездействовать нельзя. Нужно на что-то решиться. Совершить поступок, способный многое изменить. Сделать нечто важное, что, возможно, положит конец проклятой войне.

Ему вдруг стало ясно до боли, что, сражаясь за Брюса в рядах Хайлендской гвардии, он этого не добьется. И дело не в том, что Алекс никогда полностью не одобрял разбойничьих

приемов в войне, хотя такая война противоречила всему, чему его учили, всем его представлениям о рыцарской доблести и благородстве. Просто он вдруг отчетливо понял, что этот путь никуда не ведет. Больше не ведет. Короткие схватки, нападения из засады и внезапные набеги – основа борьбы Брюса – никогда не обеспечат ему окончательной победы, которая послужила бы знаком, что свершилось правосудие Божье. Лишь это могло заставить англичан признать законность притязаний Брюса на трон и провозгласить его монархом. Только решающая битва, открытый бой между двумя армиями, мог указать волю Господню, но Брюс яростно этому противился, не желая ставить все на карту. Зачем ввязываться в сражение и рисковать всем, если можно продолжать изматывающую войну, пока англичане не сдадутся?

Если Брюс не желал положить конец войне в великой битве (а видит бог, Алекс старался его уговорить), оставалась возможность заключить перемирие. И Брюс не отказывался вести переговоры. Однако не соглашались англичане. Единственное, что мог сделать теперь Алекс, – пойти иным путем. Положить конец войне с помощью увещаний, разумных доводов, компромиссов и влияния, которым он когда-то пользовался как английский барон, помочь англичанам оценить важность мира и усадить их за стол переговоров.

Задача была не из легких. Черт возьми, ему предстояло совершить Прометеев подвиг. Но, бог свидетель, это было лучше, чем устраивать набеги, захватывать заложников и поджигать амбары с невинными людьми.

Когда Розалин решила, что хочет вернуться в Англию, Алекс вызвался сопровождать ее и охранять. Это и дало Бойду повод съязвить, напомнив о «спасении прекрасных дев». Алекс не знал, как Бойду удалось ее вернуть. Должно быть, что-то заставило Розалин поверить, будто он изменился. Алекс надеялся, что это правда. Ради ее блага.

Однако, в отличие от Розалин, Алекс не вернулся.

Он говорил себе, что все еще борется за право Брюса на трон, но знал: бывшие его братья видят все иначе. Для них он предатель, вероломно вонзивший им нож в спину, а причины, что заставили его перейти в лагерь врага, не имеют значения.

Им безразлично, как мучительно тяжело далось ему это решение, самое трудное в его жизни. Долгие месяцы он не находил себе покоя. Для него покинуть гвардию было все равно что отрубить себе руку – он в самом деле едва не лишил себя руки, когда срезал татуировку. Страшная боль раздирала ему душу недели... месяцы... проклятье, все еще жгла его изнутри.

И вот теперь не правосудие Господне должно решить, правильный ли путь он избрал, но бывшие его братья.

А это значило, что он уже мертвец.

Алекс оставил без внимания колкие слова Бойда об ударе ножом в спину.

– Я думал, вы не заметите девочку на дороге. Сомневаюсь, что даже один из тех, кто чернит свои доспехи, позволил бы растоптать ребенка, если мог этому помешать.

Ближайший к Бойду мужчина громко рассмеялся.

– Здесь он тебя побил, Налетчик, – сказал Максорли.

Но если у Алекса и мелькнула надежда найти сочувствие у добродушного моряка, вечного шутника и балагура, она исчезла, стоило ему встретить жесткий взгляд Максорли.казалось, на лице его застыла непроницаемая маска, как и у Бойда, в глазах читалось одно лишь презрение к предателю. Здесь были все: Маклауд, Максорли, Кэмпбелл, Макгрегор, Бойд, Сазерленд, Маккей, Ламонт и Маклин. Лицо последнего воина Алекс не узнал под шлемом.

Возможно, это тот, кто занял его место?

Мысль эта отозвалась в нем неожиданно острой болью. Алекс навсегда отрезал себе дорогу назад. Он это знал. Но смотреть в лицо бывшим товарищам и видеть в их глазах осуждение – это нечто иное. Семь лет эти люди были ему братьями, а теперь ненавидели его.

Принять такое было тяжело, какие бы веские причины ни заставили его уйти.

Максорли заговорил тем же язвительным тоном, что и Бойд:

– Виверна³ на плаще не прибавляет человеку ни благородства, ни чести. Даже если сэра Алекс, возможно, считает иначе.

Виверна, не Дракон. Это слово больно ранило Алекса. Когда-то ему нравилось слышать, как Максорли правильно называет геральдический знак его рода. Молодого рыцаря приводили в бешенство шутки о «драконе» на фамильном гербе Сетонов. Но в конечном счете ненавистное слово превратилось в тайное боевое прозвище воина Хайлендской гвардии. Назвав изображение виверной, Максорли ясно дал понять, что Дракон им больше не брат.

– Я никогда так не думал, – начал было объяснять Алекс, но осекся. Он никогда не был одним из них. Отчасти в этом и заключалась главная беда. Поймут ли они его сейчас, если и в прошлом никогда не понимали?

Время объяснений давно прошло. Все они это знали. Он не станет умолять понять его или простить. Алекс принял решение, ему придется жить с этим.

Хотя, судя по всему, жить ему осталось недолго.

Стиснув зубы, он повернулся к главе Хайлендской гвардии, Тору Маклауду.

– Делай, что должен.

Маклауд подал знак Бойду. Что ж, подумал Алекс, это не худшая смерть. Пусть его сразит бывший собрат. Они никогда не сходились во взглядах. Вечно спорили о войне. О средствах борьбы. Вообще обо всем. Но вместо того чтобы вытащить меч из ножен, Бойд выехал вперед и остановился.

– Дело того стоило? – спросил Алекса бывший товарищ, и губы его плотно сжались от горечи и гнева.

Обманчиво простой вопрос застал его врасплох. Алекс никогда об этом не задумывался. Возможно, потому, что не хотел знать ответ.

Он помолчал и ответил честно:

– Пока не знаю. – Будь на то Господня воля, он еще мог бы что-то сделать, чтобы положить конец войне. Он кое-чего добился, однако, как показало недавнее внезапное нападение Пембрука на Каррика, его усилий оказалось недостаточно. – В то время я чувствовал, что иного выбора у меня нет.

Он должен был хоть что-то сделать. Алекс больше не мог жить как прежде. Ему казалось, что лучший выход – продолжать бороться на другой стороне, это единственный способ все изменить. Если ему не придется больше видеть разоренные деревни, обездоленные семьи, умирающих от голода детей, лица в зареве пожара, – значит, дело того стоило. И не важно, какую цену придется заплатить ему самому.

Бойд еще суровее сжал губы.

– Это из-за Розалин.

Его слова прозвучали как утверждение, а не вопрос, и Алекс не стал отвечать. Возможно, история Розалин и послужила последней каплей, но причина, почему он покинул гвардию, была куда сложнее.

Быть может, так случилось потому, что бывший его собрат нарушил все законы чести и долга, соблазнив женщину, за которую они отвечали перед Богом и людьми? Или потому, что Бойд, желая отомстить за нападение англичан, совершенное, как он думал, по приказу брата Розалин, готов был сжечь дотла замок, который она считала своим домом? Не оттого ли, что Алекс устал прятаться в темноте и бросаться вниз с деревьев, но хотел сражаться как рыцарь, на поле боя? А может, потому, что быть рыцарем и жить по законам чести действительно что-то для него значило?

³ Мифологическое существо с крыльями и двумя лапами, часто с хвостом гадюки; образ, богато представленный в средневековой живописи и геральдике.

Или же он больше не мог закрывать глаза на несправедливость, что творилась во имя войны обеими сторонами, и убеждать себя, будто цель оправдывает средства? Возможно, он устал видеть, как его народ, обитатели приграничья, терпят лишения и бедствуют лишь оттого, что им не посчастливилось жить здесь? Или причина в том, что, когда он держал на руках ребенка, которого едва не убил, что-то в нем надломилось? Или он знал: Брюс не поставит все на карту в решающей битве, которая положила бы конец противостоянию, но будет вести изматывающую войну и откладывать решение до бесконечности? Или Алекс надеялся добиться большего в этой безнадежной борьбе, попытавшись убедить англичан сесть за стол переговоров?

А может, он просто не мог больше выдержать? Жестокая война, зверства, беззакония, постоянные стычки с близким товарищем, да вдобавок чувство, что он один не желает мириться с тем, что происходит.

Да. Ответ был прост. Все вместе и стало причиной. Но Бойд не желал его слушать, даже когда они были друзьями или по крайней мере соратниками, так зачем ему слушать Алекса сейчас, когда они стали врагами?

Они всегда по-разному определяли для себя предел, который переступать нельзя. Бойд готов был на что угодно во имя великой цели, Алекс – нет.

Двое мужчин сошлись лицом к лицу в темноте. Казалось, воздух вдруг сгустился, стал плотным и тяжелым.

Почему он не покончит с этим поскорее? Или это часть пытки? Гвардейцы хотят, чтобы он молил о прощении? Нет, черт возьми, этому не бывать.

Каково же было его изумление, когда Бойд отъехал в сторону, уступив ему дорогу.

– Ты меня отпускаешь? – спросил Алекс.

– Только на этот раз, – ответил Бойд. – Считаю, это за то, что ты сделал для моей жены. Ты был прав, когда вступился за ее честь. Я совершил ошибку. Теперь мы в расчете.

Алекс думал, что теперь уже ничто его не поразит, но Бойд всего миг назад доказал обратное.

Его слова прозвучали как извинение, слышать такое от Бойда Алексу никогда еще не приходилось. На мгновение ему показалось, что это, возможно, начало, ему дали шанс объясниться, но приоткрывшаяся дверь тотчас захлопнулась, и надежда исчезла.

– В следующий раз мы встретимся на поле боя, сэр Алекс, только не рассчитывай, что тебе и тогда повезет.

Бойд знал, как вывести его из себя. Алекс не удержался и ответил:

– Быть может, это тебе не повезет, сэр Роберт.

Вспоминая те потоки брани и издевательств, которые Бойд некогда обрушивал на рыцарство, Алекс все еще не мог поверить, что его бывший товарищ был посвящен в рыцари. Несомненно, он согласился на это, желая что-то доказать своей жене. Но в Англии Алексу слишком часто приходилось убеждаться: недостаточно носить шпоры и плащ с гербом, чтобы быть рыцарем.

От Бойда не ускользнула насмешка. Глаза его полыхнули гневом, и Алекс тотчас догадался: старый приятель не забыл, кто одержал верх в последний раз, когда они скрестили мечи, вернее сказать, сошлись в кулачном бою.

– Надеюсь, Макгрегор найдет кого-нибудь, кто продаст билеты на это зрелище, – насмешливо бросил Максорли. – Не хочу пропустить сцену, как первый силач в Шотландии глотает грязь.

Алекс с удивлением перевел взгляд на Бойда. Выходит, он всем рассказал. При мысли о том, что Робби годами пришлось выслушивать издевки Максорли, Алекс невольно усмехнулся про себя. Это можно было считать своего рода расплатой.

Не сказав больше ни слова, он повернул коня и выехал из круга всадников на дорогу. Он не оглянулся. Не мог оглянуться. Все было ясно и так.

Прежде Алекс думал, что самым тяжелым был для него тот день, когда он взял нож и срезал с руки татуировку, знак воина Хайлендской гвардии. Он ошибался. Сойтись лицом к лицу с бывшими друзьями и увидеть, какими глазами они смотрят на него... оказалось намного мучительнее. Пусть они не убили его, но чувство было такое, будто восемнадцать ножей разом распорили его сверху донизу и выпустили кишки. Он знал, что жестоко предал своих братьев, но лишь теперь почувствовал по-настоящему невыносимую тяжесть содеянного.

Ему все еще не верилось, что гвардейцы его отпустили. Отчасти он ждал, когда ехал прочь, что Макруайри метнет кинжал ему в спину...

Алекс осекся. Он вдруг понял, что упустил нечто очень важное: Макруайри не было среди гвардейцев. Алекс слишком хорошо знал, что это может означать.

Он гнал коня к замку галопом, но поскакал еще быстрее.

Разрозненные остатки армии еще подтягивались к лагерю, когда он влетел в ворота. Отыскав своих людей, Алекс отдал им распоряжения. Он не назвал имени Макруайри, но предупредил, что в замок, возможно, пробрался один из сторонников Брюса. Воины получили указания уведомить его – и только его, – если заметят что-нибудь подозрительное, но не приближаться. К счастью, Алекс хорошо знал расположение замка Карлайл, как и приемы Макруайри, и догадывался, где его следует искать. Но если знаменитый разбойник и побывал здесь, то успел ускользнуть.

Однако Алекс понимал: то, что Макруайри не было среди гвардейцев, не могло быть случайностью.

Должно быть, горький урок недавнего поражения немного сбил с Пембрука спесь. Когда Алекс поделился с ним своими опасениями, тот не только внимательно его выслушал, но отвел к коменданту замка сэру Генри де Бомонту. Охрану усилили, увеличили число караульных, и когда поздно ночью замок атаковали, воины были готовы.

Попытка Эдуарда Брюса захватить крепость не удалась. Шум атаки всполошил всех обитателей замка, но одна Джоан все утро с нетерпением ждала возможности услышать подробности. Лишь когда она помогала кухне готовиться к дневной трапезе, Элис рассказала все, что знала. К тому времени Джоан уже готова была пренебречь опасностью и нарушить ею же учрежденное правило не задавать кухне прямых вопросов. Хотя Элис была слишком избалованной и самовлюбленной, чтобы присмотреться внимательнее к «жалкой» родственнице и насторожиться, Джоан не хотела искушать судьбу.

– Один из рыцарей сэра Пембрука заподозрил, что разбойники что-то замышляют. Он сорвал планы мятежников, когда те попытались отвлечь внимание дозорных и прорваться в ворота, – с гордостью сообщила Элис. – Счастье, что граф прибыл как раз вовремя.

– Да, нам очень повезло, – согласилась Джоан, скрывая злость под маской вежливого интереса. Не одна только упущенная возможность захватить замок привела ее в ярость, но и появление Пембрука. Ей следовало знать, что он уже на подступах к Карлайлу. Один из самых крупных военачальников Эдуарда на севере направлялся в замок в сопровождении по меньшей мере двух сотен воинов, а она об этом даже не слышала. Как такое могло случиться?

Подобного рода сведения она и передавала Брюсу, именно этого от нее ждали. Но Джоан не справилась, и сторонников Эдуарда Брюса застали врасплох, что могло обернуться настоящей бедой. Если бы Рэндольф не подоспел вовремя, единственного оставшегося в живых брата короля могли убить или захватить в плен, а Джоан считала бы себя виноватой.

Впервые ей не удалось выведать заранее столь важные известия. Возможно, англичане по какой-то особой причине держали в секрете прибытие Пембрука или же они просто соблюдали величайшую осторожность?

Ни то ни другое не предвещало ничего доброго.

Джоан понимала, что англичане ожесточенно ищут хорошо осведомленного лазутчика, который снабжает сведениями шотландцев. Но женщин они не принимали в расчет, она не чувствовала угрозы и никогда не опасалась, что подозрение падет на нее. Однако это не означало, что можно забыть об осторожности. Джоан всегда заботилась о том, чтобы не показаться слишком любопытной, не обнаружить своего интереса к военным действиям или политике. Она не задавала слишком много вопросов, не позволяла заподозрить ее в преданности своей родине и своему народу. Подобно кузине, Джоан изображала из себя «истинную англичанку», хотя в жилах обеих женщин текла чистая шотландская кровь. Впрочем, никто не догадался бы об этом, глядя на Элис или слушая ее речи. Она рассыпалась в восторженных похвалах своей новой родине, а Шотландию называла не иначе как «отсталым диким краем», полным «смутьянов», которых следует усмирить и обтесать.

Элис содрогнулась.

– Представляешь, что случилось бы, осуществись их план? Мы все могли оказаться в плену у каких-то дикарей. – Она сдавленно ахнула, будто ей только что пришла в голову ужасная мысль. – Думаешь, они бы нас обесчестили?

Боже милостивый, эта догадка так взбудоражила кузину, что в голосе ее зазвучали едва ли не восторженные нотки. Когда мужчина берет женщину силой, в этом нет решительно ничего романтического или волнующего. И все же красавице Элис нравилось, когда мужчины смотрели на нее с вождением, их похоть она находила лестной. Что же до Джоан, та хорошо знала цену подобному вниманию.

Несколькими годами старше своей двадцатилетней кузины, Элис в сравнении с ней не выглядела более зрелой и умудренной. Джоан всегда казалась взрослее своих лет, а все, что ей пришлось пережить после того, как матушку бросили в тюрьму, изменило ее настолько, что иногда она чувствовала себя скорее матерью Элис, нежели молодой женщиной, почти ее сверстницей.

Хотела бы Джоан вложить хоть немного разума в эту пустую голову, однако она сделала вид, будто серьезно обдумывает слова Элис.

– Боюсь, такое вполне могло случиться. Нам в самом деле очень повезло, что один из рыцарей сэра Эймера разгадал план нападавших. Кто этот человек? Наверное, нам следует поблагодарить его за спасение.

Должно быть, ее тон выдал больше заинтересованности, чем ей бы хотелось. Глаза кузины чуть прищурились.

– Не знаю. Муж мне не сказал. Но я не думаю, что в этом есть надобность. Вдобавок сомневаюсь, что сэру Ричарду это понравилось бы. Он так и пожирает тебя глазами, словно голодный ястреб. – Она неодобрительно нахмурилась. – Ты должна быть осмотрительнее, кузина. Люди начинают болтать, а это скверно отражается на нас с Генри.

Джоан едва не задохнулась. Великий Боже, виновный выступает в роли обвинителя. Распутство Элис могло бы сравниться разве что с разнузданностью ее мужа. Она отчаянно его ревновала, тогда как сэра Генри несколько не заботило, с кем делит постель супруга, и это приводило ее в бешенство. Похоже, кузина принимала за любовь ревность и жадность собственника. Пример родителей убедил Джоан, что это заблуждение.

Она опустила глаза, изобразив смущение.

– Сэр Ричард скоро уезжает.

– Хорошо. – Элис поднялась с кресла, на котором сидела, пока Джоан помогала ей надеть украшения. – Я не порицаю тебя за желание поразвлечься, кузина, но не потерплю, чтобы о тебе ходили грязные сплетни.

Иными словами, ей пришлось не по нраву, что Джоан оказалась в центре внимания, пусть даже нежелательного. Джоан всегда с радостью соглашалась оставаться в тени своей кузины,

это единственная причина, почему Элис согласилась взять ее в приживалки и служанки. Джоан никогда не представляла угрозы для ревнивой самолюбивой родственницы, ей было важно, чтобы так продолжалось и впредь. Джоан обладала привлекательной внешностью и нравилась мужчинам, однако, к счастью, Элис не видела в ней соперницу. С точеной фигурой, соблазнительными формами, белокурыми волосами, голубыми глазами и правильными, как у куклы, чертами лица, Элис де Бомонт была ослепительной красавицей.

Джоан почтительно выслушала резкую отповедь и виновато кивнула, дабы показать, что признательна кухне за великодушие. Затем последовала за ней в главный зал.

Но неудавшаяся попытка захватить замок, прибытие Пембрука, о котором она не знала, и предстоящий отъезд сэра Ричарда – все это вместе укрепило решимость Джоан усилить старания. Она больше не допустит, чтобы ее держали в неведении. Если она хочет продолжать служить Брюсу и добыть ценные сведения, придется рискнуть. Сэр Ричард знал нечто важное, и Джоан собиралась заставить его разговариваться. Даже если для этого придется перешагнуть через себя и сделать то, что ей не по душе.

Глава 3

Джоан с трудом закрыла за собой дверь – так сильно тряслись руки. Да что там руки, дрожь сотрясала все ее тело. Кожа была холодной как лед. Страх, отвращение, ужас сковали ее морозом, словно снежная буря глухой зимой, и не желали отпустить.

«Все хорошо. Ты в безопасности. Все уже позади. Ничего не случилось», – шептала она себе.

Но самое страшное едва не произошло. Угроза была так близка.

Она прокралась по темному коридору и начала спускаться по витой лестнице Капитанской башни с третьего этажа, где располагались покои сэра Ричарда.

Руки и ноги ее не слушались. Она чувствовала себя неуклюжей... неловкой... медлительной. Сердце все еще колотилось как бешеное, в ушах гремела барабанная дробь. Джоан никак не могла отогнать кошмарное воспоминание. Боже, она еще чувствовала на себе его мерзкие руки, когда он схватил ее и повалил, не давая вырваться. Жуткие видения мелькали у нее перед глазами, на один страшный миг ее парализовало от страха. Это было действительно похоже на паралич. Джоан думала, что сейчас...

Но ее замысел все же удался, и в следующий миг одурманенный зельем сэра Ричард рухнул тяжелой тушей на кровать. А ужас остался.

Силы небесные, ее так трясло, что она едва не забыла обыскать комнату! Ей удалось отыскать письмо с приказами и подробными распоряжениями. Оно оказалось источником ценнейших сведений о портах отправления и прибытия, а также о морских путях, по которым должны были доставить в Шотландию запасы провианта и оружия для английских войск. Эдуард собирал армию таких масштабов, что даже длинные цепи тяжелых обозов не могли обеспечить ее всем необходимым. Теперь Джоан знала, как англичане собирались переправить грузы.

Наверное, всего горсточке людей были известны сведения, которые ей удалось добыть, и вскоре одним из них станет Роберт Брюс. Благодаря ей, Джоан.

Дело того стоило, сказала она себе. Но разгулявшиеся нервы, похоже, не слышали и никак не могли успокоиться. Пока она петляла по мрачным коридорам, возвращаясь к себе, ей повсюду мерещились зловещие тени, они отделялись от стен и набрасывались на нее. Было далеко за полночь, почти все лампы уже погасили на ночь. Джоан торопливо сбегала по лестнице. Ей так отчаянно хотелось как можно скорее оказаться подальше от ужасной комнаты, где с ней чуть было не случилась беда, что ни о чем другом думать она не могла. На одной из узких ступенек она неловко поставила ногу и поскользнулась. Каменные ступени, стертые бесчисленными шагами, стали скользкими. Джоан обнаружила это слишком поздно, когда потеряла равновесие.

Она пошатнулась, пытаясь удержаться на ногах, но больно подвернула лодыжку и упала. Джоан пролетела последний виток круговой лестницы и рухнула бы к подножию, где корчилась бы от боли, не подхвати ее кто-то в последний миг.

– Господи! Вы не пострадали?

Она была так ошеломлена, оказавшись вдруг в объятиях мужчины, что не сразу уловила смысл его слов... да и лицо его вначале показалось ей расплывчатым пятном.

Но когда она его разглядела...

Господь всемогущий! Сердце у нее словно перевернулось, жаркое волнение поднялось в груди, она и не думала, что такое еще возможно. Если бы Джоан все еще верила в прекрасных рыцарей, которые всегда приходят на помощь, то в этом мужчине она нашла бы живое воплощение своих грез. Золотисто-белокурые волосы сияли в мерцающем свете ламп. Пронзительно-синие глаза, удивительно ясные и яркие, будто искрились в полумраке. Красивое

лицо с правильными чертами казалось бы мальчишеским, если б не чуть кривоватый, должно быть, сломанный когда-то нос и короткая, в четверть дюйма темная борода. Поджарая крепкая фигура выдавала в этом высоком, широкоплечем человеке воина, чье ремесло – меч. Он поймал ее с легкостью, как будто она ничего не весила, а руки, что ее держали, были большими и сильными.

Джоан узнала бы в незнакомце рыцаря, даже не будь на нем кольчуги и плаща. Он выглядел так, словно привык скакать на белом коне с высоко поднятым мечом, сражаться с драконами и спасать прекрасных дев, что, надо сказать, теперь оказалось весьма кстати.

Она осознала вдруг, что тела их сплелись, будто в любовном объятии, а грудь ее плотно прижата к стальным мышцам незнакомца. Чувство это было столь острым, что Джоан густо покраснела (теперь уже на самом деле!), оттолкнула молодого рыцаря и высвободилась из его рук.

– Все в порядке, – пробормотала она, стараясь овладеть собой, но голос ее дрожал как никогда в жизни. Точно у мечтательной девицы из рыцарских баллад. – Благодарю. Простите, что доставила вам беспокойство...

Она внезапно осеклась, вскрикнув от боли. Стоило ей отступить на шаг, как поврежденная лодыжка напомнила о себе – ногу словно раскаленной иглой пронзило. Джоан оступилась и упала бы снова, если бы незнакомец не поддержал ее под локоть.

– Осторожнее, – мягко произнес он, помогая ей выпрямиться. – Вам больно?

У него был очень приятный голос. Низкий, бархатный, умиротворяющий. В нем слышалось что-то доброе, ласковое, даже галантное.

Силы небесные, неужели она в самом деле дала волю своим фантазиям и мечтам? Когда-то давно она еще верила в истории о прекрасных рыцарях в сверкающих доспехах. О мужчинах, которые не только проповедуют рыцарские идеалы, но и следуют им. Теперь она знала: все это ложь. Такие мужчины бывают лишь в волшебных сказках. Горький опыт излечил ее от иллюзий. «Рыцари», что окружали ее в замке, не давали ей прохода, провожали масляными взглядами, забрасывали непристойными предложениями. Честь, благородство, почтительность ничего для них не значили, стоило пробудиться похоти. Все мужчины, даже рыцари, хотели только одного.

Впрочем этот мужчина смотрел на нее вовсе не так. Она не знала, что и подумать.

Сбитая с толку, Джоан нахмурилась и сказала себе: «Дай только время. Этот тоже наверняка попытается извлечь выгоду из своей роли спасителя. И очень скоро». В ушах у нее уже звучал их разговор. «Как я могу вас отблагодарить?» – спросит она, а он ответит с хищной ухмылкой: «Уверен, мы что-нибудь придумаем».

Да-да, а потом он начнет слюнявить ей лицо, совать в рот язык и обшаривать лапищами грудь.

Ей удалось развеять радужный туман, мечтательный взор ее погас, сердце успокоилось.

– Моя лодыжка. Кажется, я ее подвернула.

Казалось, на лице его отразилось искреннее участие.

– Вы уверены, что кость не сломана?

Джоан кивнула.

– Щиколотка немного побаливает, только и всего. Я перевяжу ее, когда дойду до своей комнаты. Уверена, она быстро заживет.

Джоан прежде не замечала, что лестничный колодец такой тесный и узкий. А может быть, так казалось потому, что почти все пространство занимала крупная фигура незнакомца. Его широкие плечи едва не упирались в стены. Он будто вытеснил собой весь воздух. Джоан вдруг почувствовала, что стало трудно дышать, а когда ей все же удалось вдохнуть... ее обдало запахом кожи, ветра и какой-то пряности... возможно, гвоздики?

Пяти футов шести дюймов росту, она считалась довольно высокой женщиной, но, даже стоя на одну ступеньку выше рыцаря, едва доставала макушкой ему до подбородка. Их лица не соприкасались, но были так близки, что разделяло их лишь ничтожное расстояние, и Джоан необычайно остро ощущала каждый драгоценный дюйм.

Она снова присмотрелась к нему. На этот раз рыцарь показался ей еще красивее, чем вначале. Что-то неуловимо знакомое угадывалось в этом лице...

Потрясение оказалось так велико, что на мгновение у нее перехватило дыхание. Неудивительно, что он напомнил ей рыцаря из мира грез. Он и был сказочным рыцарем. Героем ее полудетских фантазий.

Джоан не забыла красивого молодого воина, поразившего воображение четырнадцатилетней девочки шесть лет назад, на рыночной площади в Роксбурге. Тогда Джоан не поняла, что он сопровождал ее мать. Он показался ей самым прекрасным рыцарем на свете. Сэр Александр Сетон. По прошествии лет она узнала и его имя, и место его в Хайлендской гвардии...

Джоан вдруг осознала, что это означает.

Должно быть, при этой мысли она переменилась в лице.

– Вас что-то беспокоит, миледи? – спросил он.

Да, и еще как. Алекс Сетон вовсе не был тем благородным рыцарем, каким рисовался в ее воображении. Он был предателем.

Спасти сразу двух молодых женщин за столь короткое время – это, пожалуй, чересчур даже для него. После таких подвигов Максорли изводил бы Алекса шуточками не одну неделю.

Эта мысль едва ли не первой пришла в голову Алексу, когда он поймал девушку, падавшую с лестницы. Столкновение с бывшими собратьями все еще угнетало его, признался он себе.

Другие его мысли лишь подхлестнули тревогу и смятение, когда он узнал молодую женщину, которую прижимал к себе. Алекс со стыдом вспоминал, как смотрел с вожделием на дочь Беллы Макдуфф, носившей теперь имя Макруайри. Но, боже праведный, за прошедшие годы девушка стала еще более прекрасной (и достаточно взрослой, не то что в прошлый раз, когда он ее видел). Длинные выощенные волосы, черные как ночь... алые губы... белоснежная кожа... затуманенные глаза, в которых так и читался призыв: «Отнеси меня в спальню и дай мне познать небывалое блаженство». Эта девушка воплощала в себе соблазн и искушение плоти.

Она казалась растрепанной, будто только что вскочила с кровати, но это нисколько ее не портило. На ней было домашнее платье... Господь милосердный, он ощутил, как прижимается к нему ее тело. Мягкое, чувственное, совершенное в своей женственной красоте. Только евнух остался бы равнодушным, держа в объятиях женщину с божественными формами, созданными, чтобы дарить наслаждение. Полная грудь, изящная талия, стройные бедра, длинные ноги, которые так легко вообразить закинутыми...

Алекс одернул себя. Какого черта с ним творится?

Он отлично знал ответ, и вот только что убедился снова, вышло чертовски неловко. Да, обычно он куда лучше владел собой. Он всегда умел держать себя в узде.

А впрочем Алекс не мог припомнить, когда в последний раз ему доводилось оказаться на темной лестнице наедине с прекрасной полуодетой женщиной, упавшей в его объятия среди ночи. Если подумать, такого прежде никогда не случалось, так что, пожалуй, ему можно простить и непристойные мысли, и мгновенную реакцию тела.

Однако он думать забыл и о том и о другом, как только понял, что девушку, должно быть, мучает боль.

– Миледи? – переспросил он, когда Джоан ему не ответила. Она так странно смотрела на него. Как будто знала его. Неужели она заметила его тогда, много лет назад? Он надеялся, что нет. Любая ниточка, связывающая Алекса с Хайлендской гвардией, могла его погубить. Король Эдуард пришел бы в ярость, узнав, что Алекс утаил от него столь важные сведения, и потребовал бы раскрыть имена членов тайного отряда и все их секреты. Пусть Алекс покинул гвардию, но на такое предательство он никогда бы не пошел.

– Нет, – поспешно ответила она, пряча глаза. – Все хорошо. Просто я вдруг поняла, что не знаю, кого мне следует поблагодарить за спасение. Я только лишь подвернула лодыжку, но все могло закончиться намного хуже.

– Алекс Сетон к вашим услугам, миледи, – сказал он и в манере, вовсе ему не свойственной, отвесил шутливый поклон. Обычно Алекс не стремился очаровать молодых дам всеми возможными способами (на самом деле, он чаще всего старался их избегать), просто ему хотелось избавить девушку от неловкости.

Губы ее насмешливо изогнулись, она подхватила игру.

– Леди Джоан Комин, сэра Алекса. Я бы сделала реверанс, но, боюсь, тогда вам пришлось бы ловить меня снова.

Алекс был вовсе не прочь снова схватить ее в объятия, от одной этой мысли кровь его забурлила, жаркая волна прокатилась по телу. Его поразило, насколько острым оказалось желание испытать снова то пьянящее ощущение.

Однако, вспомнив о долге, он отогнал от себя эти мысли.

– Позвольте, миледи, я помогу вам вернуться в ваши покои, чтобы вы смогли наложить повязку.

Джоан, казалось, встревожилась.

– Мне не хотелось бы вас затруднять. Уверена, я смогу дойти сама.

– Мне вовсе не трудно, я настаиваю. Вам небезопасно бродить по замку ночью одной. – Ему впервые пришло в голову задать вопрос... – А кстати, что привело вас сюда? Я думал, покои дам расположены в новой башне.

Она покраснела и снова опустила глаза. Ее длинные, изящно загнутые ресницы легли на щеки, словно шелковистые трепещущие перья из черного крыла ворона. Боже, он никогда еще не видел такой кожи. Нежной, матовой, совершенной, как свежесвыпавший снег.

– Я не помню, милорд.

Алекс нахмурился.

– Не помните?

Она покачала головой.

– Я иногда хожу во сне.

Алекс понимающе кивнул.

– В детстве мой брат тоже бродил во сне.

Глаза ее удивленно раскрылись, она явно этого не ожидала.

– Правда?

– Да. Когда это случилось впервые, а затем повторилось, матушка очень испугалась. Она боялась, что Джон может упасть с лестницы или выйти за ворота, зайти в море и утонуть. Но брата, похоже, тянуло только на кухню. – Алекс улыбнулся далекому воспоминанию. – Однажды ночью он съел целый яблочный пирог. Я думал, брат притворяется, пока не застал его сам: глаза Джона были открыты, но взгляд затуманен. Он будто не замечал меня. Матушка велела установить особые затворы на все окна и двери, но несколько лет спустя его ночные вылазки прекратились сами собой.

– Он больше не бродит во сне?

Алекс покачал головой. Нахлынувшая горечь была не так сильна, как обычно, но сердце сжалось от боли.

– Обоих моих братьев казнили восемь лет назад после битвы при Метвене. Вы, наверное, слышали о Кристофере.

Все слышали о сэре Кристофере Сетоне. Алекс не удивился, когда она кивнула.

Но, в отличие от прочих, Джоан не продолжала его расспрашивать и не ждала от него объяснений, которые он не в силах был дать.

– Мне жаль, – тихо произнесла она.

Алекс кивнул в ответ, а в следующий миг печальные воспоминания вытеснили беспокойство.

– Возможно, вам стоит подумать о засове на двери или позаботиться, чтобы кто-то из слуг спал снаружи. В следующий раз может случиться так, что поймать вас будет некому.

Алекс знал, что падение с лестницы не единственная опасность в замке, подобном этому, где полным-полно солдат, среди которых встречаются грубые и неотесанные. При мысли о том, как беззащитна девушка бродит во сне по темным коридорам...

Бешеная ярость пронзила каждый его мускул, прошла по телу мучительной судорогой. То был безотчетный порыв, он и сам понимал, что воображение завело его слишком далеко, ничего дурного с Джоан не случилось, но чувство это было сильнее рассудка.

– Вы правы. – Будто ощутив гнев Алекса, она накрыла его руку ладонью. – Мне следовало об этом позаботиться. Такого давно не случалось, приступ застал меня врасплох.

При виде изящной нежной женской ладони, лежавшей на его руке, Алекс испытал странное чувство. Смесь умиротворения и чего-то иного, тревоги, смятения, настороженности. Он никогда прежде не чувствовал ничего подобного, его ошеломила острота этого ощущения.

«Она дочь Беллы», – напомнил себе Алекс. Но забыть об этом было слишком легко, ведь он находился всего в нескольких дюймах от этого восхитительного женского тела, в полутьме, на узкой витой лестнице, которая вдруг стала казаться ему мучительно тесной.

Разве возможно сохранить душевный покой рядом с этой девушкой, такой желанной и влекущей? Вдобавок он чувствовал странную внутреннюю связь с ней, будто давно ее знал. Это было не так, но удивительное ощущение завораживало. В ней самой было что-то колдовское.

Алекс с усилием стряхнул наваждение, отогнал мятежные мысли о спальнях и тонких сорочках под небрежно накинутыми бархатными платьями, что почти не скрывают нагого тела, о спутанных черных кудрях, разметавшихся по подушке или упавших шелковым покрывалом на его обнаженную грудь, о легком аромате розовой воды...

– Пойдемте, – сказал он, предлагая Джоан руку. – Мне придется снять с себя рыцарские шпоры, если вы не позволите проводить вас до ваших покоев.

Она склонила голову набок и посмотрела на него немного недоуменно.

– О, так вы серьезно относитесь к рыцарскому долгу?

Голос ее звучал сухо, почти язвительно.

Алекс нахмурился, внутренне сжался.

– Да.

Джоан задержала взгляд на его лице, словно раздумывала, потом все же взяла его за руку.

– Хорошо, – уступила она. – Я бы не хотела помешать вам исполнить свой рыцарский долг.

Прикосновение Джоан отозвалось в его теле волной жара. Ее нежные тонкие пальцы скользнули в его ладонь. Ему не хотелось выпускать их, но он согнул руку в локте и переложил ее легкую ладонь так, чтобы ей удобнее было опираться.

Алексу понравилось, что она его поддразнивала. Он мог бы поклясться, что шуточные разговоры она ведет не чаще, чем он сам.

– Но я не был бы рыцарем, если бы позволил вам думать, что мной движет один лишь долг.

Господи, неужели он в самом деле заигрывает с ней? Это совершенно на него непохоже. Алекс всегда был слишком серьезным, война занимала все его мысли, сколько он себя помнил. Еще совсем юным, не старше Джоан, он усвоил, что с женщинами нельзя вольничать, их нужно защищать, ими следует восхищаться, а обращаться с ними надлежит вежливо и почтительно.

Колдовство.

Он осторожно помог ей преодолеть последние несколько ступенек, что оказалось нелегко, поскольку Джоан, похоже, старалась не опираться на него всей тяжестью и не прижиматься слишком тесно.

Быть может, она тоже это чувствовала?

Алекс точно не знал, читать ее мысли было непросто. Но чувство, что, возможно, он не один ощущает это притяжение, эту внутреннюю связь, лишь усиливало неловкость, отчего напряжение все нарастало. Каждое касание, каждое мимолетное соприкосновение отзывалось дрожью в его теле, кожа пылала жаром.

Когда они наконец достигли внутреннего двора, Алекс сдался. Это было просто нелепо, черт возьми. Каждый шаг давался ей с трудом, Джоан вздрагивала от боли. Если так ползти, они доберутся до башни только к рассвету, решил Алекс.

Приняв решение за них обоих, он наклонился и подхватил девушку на руки. Она задыхалась от неожиданности, а поняв, что ее несут как ребенка, издала возмущенный возглас, но Алекс промолчал, только скрипнул зубами, стараясь смотреть прямо перед собой. Главное, не думать о том, как чудесно она пахнет, какие у нее мягкие волосы, как они нежно щекочут его подбородок, или как на каждом шагу ее ягодицы ударяются о его бедра в опасной близости от растущего бугра у него в штанах. Еще чуть ниже, и...

– Что вы делаете? – потребовала она ответа, не подозревая о его страданиях.

Алексу не пришлось смотреть вниз, чтобы угадать, что глаза ее мечут молнии. Голос ее дрожал от ярости.

– Несу вас, – невозмутимо ответил он.

– Это я вижу, – гневно выпалила Джоан. – Но я не давала вам разрешения...

– Вам было больно идти, а я знал, что вы не согласитесь, вот и решил избавить вас от мучений. – Он с улыбкой взглянул на нее. – Не благодарите.

Алекс чувствовал кожей, как она внимательно всматривается в его лицо, словно в попытке что-то отыскать.

– Вы всегда такой властный и бесцеремонный?

– Только когда чувствую, что кто-то наверняка заупрямится из чистого безрассудства. – Выражение ее лица показалось Алексу таким забавным, что он не удержался от смеха. – Вдобавок я предпочитаю считать это галантностью.

– В самом деле? – протянула Джоан. – Видимо, это означает, что я беспомощная девица, попавшая в беду, и вы один можете меня спасти, Сэр Галахад?

Сама того не ведая, она задела его за живое. Джоан не единственная назвала Алекса так. Первым был Макруайри, и в его устах слово прозвучало презрительно, как оскорбление. Прогнав неприятное воспоминание, Алекс улыбнулся.

– Вы уловили мою мысль.

Джоан покачала головой, будто укоряла отбившегося от рук мальчишку.

– Надеюсь, вы не ждете от меня восторженных благодарностей?

Рассерженная, она была так восхитительна, что Алекс снова весело рассмеялся.

– Нет, простого «благодарю» будет достаточно.

Скоро, слишком скоро, он донес девушку до дверей спальни. Там Алекс бережно (и, возможно, немного неохотно) поставил ее на ноги.

– Ну что, ничего ужасного не случилось, верно?

Казалось, Джоан готова была возразить, но добродушие взяло верх. Губы ее изогнулись в улыбке.

– Не хочется жаловаться и брюзжать, когда меня доставили до дверей так быстро и с удобствами. Пожалуй, я спрячу поглубже свою гордость и просто поблагодарю вас.

Он широко улыбнулся.

– Весьма умно.

Он едва не поцеловал ее в нежные алые губы, но вовремя себя одернул.

Господи, да что на него нашло? Чувство было такое, будто поцеловать ее – самая естественная вещь на свете.

Наверное, девушка угадала его мысли, потому что вдруг перестала улыбаться и осторожно отступила на шаг.

– Спасибо, сэр Алекс, – повторила она, прежде чем скрыться в комнате.

Алекс постоял еще немного перед закрытой дверью, прежде чем повернуть назад и вернуться к себе в спальню. Но долго еще не мог заснуть, вспоминая странную встречу с Джоан Комин.

Глава 4

Алекс уже думал, что военный совет никогда не закончится. Де Бомонт, комендант замка, и граф Пембрук, крупнейший военачальник, все утро соревновались и мерились своими достижениями, хотя, если честно, ни один не заслуживал доброго слова.

Два самых влиятельных вельможи короля Эдуарда, казалось, упивались звуками собственных голосов, а исход проклятой войны их вовсе не интересовал. Позерство, напыщенность, манерность, стремление взять верх в споре и обратить на себя внимание... все мысли командующих королевскими войсками занимало лишь желание главенствовать, и Алекс чертовски от этого устал. Насколько он помнил, у воинов Хайлендской гвардии, по крайней мере, всегда была общая цель, даже если подчас они расходились во взглядах на способы ее достижения. А этих двоих, похоже, военная стратегия и тактика не волновали вовсе, они только спорили, кто поведет за собой ту или иную часть армии да в каком порядке будут выступать войска. Предложение Алекса пригласить на переговоры Брюса и попробовать заключить соглашение прежде, чем начинать наступление, оба сразу же резко и решительно отменили, так что все последующие препирательства полководцев он слушал вполуха.

Алекс старался не поддаваться отчаянию, но времени у него почти не осталось. Те договоренности, которых, как ему казалось, он достиг в Лондоне два года назад, понемногу забылись, и воспоминания о них все больше стирались, чем дальше на север продвигались английские войска. В начале король как будто согласился выслушать речи Алекса в защиту жителей приграничья и его предостережения, что Брюс силен, хотя отряды его и малочисленны. Эдуард сказал, что обдумает предложение Алекса начать переговоры.

Но раздумывал он недолго. В противостоянии Эдуарда с могущественными английскими баронами Шотландия стала для него разменной монетой. Военный поход должен был заставить англичан забыть о распрях, сплотиться под знаменами своего суверена и подавить сопротивление непокорных шотландцев. Эдуард увидел способ показать вассалам, что он достойный сын своего отца, король, которому можно верить. Алекс понимал: убедить короля отказаться от его планов почти невозможно. Но это не означало, что он сдался и оставил попытки. Однако со временем становилось все яснее, что никто в стане англичан не хочет прислушиваться к голосу рассудка, уж точно не два надменных упряма, столкнувшихся лбами, – де Бомонт с Пембруком.

Его мысли обратились к куда более приятному предмету. Интересно, стало ли лучше леди Джоан к утру, зажила ли ее лодыжка? Возможно, после совещания стоило отыскать девушку, справиться о ее здоровье.

Алекс поймал себя на мысли, что дочь Беллы вызывает у него необычный интерес. Он слышал, что, после того как ее лживо объявили незаконнорожденной и лишили законных прав на графство, ей пришлось пойти в услужение к одной из родственниц, кузине Элис, супруге де Бомонта. Алекс сомневался, что кто-то вправду поверил рассказам, будто Джоан не дочь Бьюкена, а плод порочной связи Беллы с Брюсом. Просто никто не желал видеть, как дочь знаменитой изменницы унаследует графство. Алекс припомнил и другую изошренную ложь, связанную вроде бы с крестными родителями Джоан.

Все это нагромождение лжи было лишь завесой. Эдуард заручился поддержкой де Бомонта в войне против шотландцев – тот сражался теперь за свои земли, – и никого не заботила судьба дочери умершего графа и «шлюхи-мятежницы».

Алекс невольно задумался, каково теперь Джоан. Сожалела ли она, что не вернулась в Шотландию много лет назад, когда представилась возможность? По иронии судьбы Алекс входил в отряд, освободивший Макруайри с Беллой из замка Берик, когда их захватили в плен вскоре после возвращения Беллы в Шотландию. Макруайри предлагал четырнадцатилетней

Джоан бежать вместе с ними, но та отказалась, сказав, что вся жизнь ее в Англии, с дядей Комином и родней. Это разбило Белле сердце.

Приняла бы она и сегодня такое же решение после всего случившегося, подумалось Алексу. Англия не слишком-то щедро вознаградила эту девушку за преданность.

Близилось время обеда, когда военное совещание наконец закончилось. Алекс собирался отправиться на поиски Джоан, как вдруг до него долетели обрывки разговора нескольких молодых воинов, шедших впереди.

– Долгая ночь, Фицджеральд? Я думал, ты заснешь прямо в зале, пока де Бомонт говорил о том, чьи солдаты займут казармы в Уорке, а чьим придется разбить палатки за воротами.

Алекс и сам чуть не задремал. Он почти не спал прошлой ночью, занятый своими мыслями.

– Я чувствую себя так, будто только что отплыл отсюда в Ирландию, – ответил другой мужчина. – Никогда не испытывал такой... сытости.

По его тону Алекс угадал, о какого рода сытости идет речь – воин походил на довольного кота, который только что вылакал полную миску сливок. Очевидно, молодой рыжеволосый рыцарь провел ночь с женщиной.

Теперь Алекс его узнал. Это был молодой капитан, приближенный графа Ольстера. Сэр Ричард Фицджеральд принадлежал к влиятельной, богатой семье и подавал большие надежды. Он считался одним из лучших мореходов во всей Ирландии. Возможно, ему предстояло когда-нибудь бросить вызов самому Максорли.

Хотя едва ли это случится скоро, усмехнулся про себя Алекс. Никто не мог соперничать с вождем Западного нагорья. Максорли по прозвищу Ястреб был лучшим моряком не только в Шотландии, но, пожалуй, во всем христианском мире. Вдобавок он был великолепным пловцом, Алекс мог подтвердить это лично. Много лет назад, в пору обучения, Максорли спас ему жизнь в штормовых волнах близ острова Скай.

Какого дьявола он вспомнил об этом теперь?

– Значит, леди все же уступила? – усмехнулся один из молодых воинов. – Хотя слово «леди» едва ли здесь уместно. Насколько я слышал, эта тихая загадочная дама просто дикая кошка в постели. Если она запустит в меня свои коготки, я вовсе не буду против. Когда она тебе надоест, разумеется, – обратился он к Фицджеральду.

Алекс почувствовал, как напряглись его мышцы от этих грубых слов. Ни один мужчина не должен говорить такое о женщине, кем бы та ни была. И что хуже всего, эти молодые люди были рыцарями. Им следовало вести себя подобающе, черт побери.

Алекс уже собирался сурово их отчитать, когда заговорил Фицджеральд.

– Выдели бы вы ее груди, – молодой капитан театрально застонал. – Проклятье! Не будь она приبلудной дочерью шлюхи Бьюкена, я бы, возможно, женился на ней, чтобы каждый день зарываться лицом...

Фицджеральд не успел закончить фразу. Алекс вцепился ему в горло и пригвоздил рыцаря к стене. Он действовал инстинктивно, черная ярость клокотала в его груди, кровь звенела в ушах. Молодому рыцарю повезло, что Алекс не убил его в первый же миг.

Фицджеральд захрипел, схватился за шею, пытаясь оторвать руки Алекса, но легче было бы разорвать сталь. Мышцы Алекса не уступали в твердости железным прутьям.

– Довольно я наслушался вашей подлой лжи, – произнес Алекс чужим голосом. Черт, он хорошо знал этот глухой хриплый голос, от которого веяло мертвящим холодом. Так говорил Макруайри. – Как вы посмели говорить о даме в подобной манере?

Приятели Фицджеральда опомнились наконец от потрясения.

– Отпустите его, – заговорил один из них, не сделав, впрочем, попытки помешать Алексу. – Он задыхается.

Алекс заметил, что у Фицджеральда глаза чуть ни вылезали из орбит, и слегка ослабил хватку, позволив ему глотнуть немного воздуха. Молодой рыцарь смотрел на него в ужасе, как на безумца. Что было недалеко от истины – владевшее им чувство походило на помешательство.

– Какого... дьявола... Сетон? – сдавленно просипел Фицджеральд, стараясь разжать его пальцы.

– Что здесь происходит? – раздался позади окрик. Алекс узнал голос Пембрука. – Отпустите его, Сетон.

Алекс не пожелал подчиниться.

– Это приказ, – свирепо прибавил Пембрук.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы голова у Алекса немного прояснилась и властный окрик графа дошел до его сознания. Король Эдуард отдал его под командование Пембрука, черт возьми.

С возгласом отвращения Алекс выпустил шею Фицджеральда, но прежде тряхнул его еще раз, ударив о стену. Злость и жажда убийства еще бурлили в его крови.

При виде его искаженного лица молодой мореход поспешно отступил в сторону.

– Что на вас нашло, Сетон? Я никогда не видел вас таким, – бросил граф.

Слова эти привели Алекса в чувство. Пембрук был прав. На мгновение он потерял голову. Из учтвого благородного рыцаря, каким знали его англичане, превратился в жестокого головореза, каким он был в Хайлендской гвардии.

Никто здесь не подозревал, какое место занимал он в войске Брюса, и Алекс хотел, чтобы так оставалось и впредь. Однако что-то ему подсказывало: он невольно себя выдал.

Может, Пембрук и был напыщенным мерзавцем, но отнюдь не глупцом.

– Похоже, рука вас больше не беспокоит.

Слова его прозвучали как утверждение, а не вопрос.

Проклятье! Он не задумываясь сдвинул горло Фицджеральда правой рукой.

Пембрук не стал дожидаться ответа.

– Я жду, что вы приступите к учениям вместе с остальными, когда мы прибудем в Берик. – Алекс кивнул, беззвучно шепча проклятия. – А теперь объясните мне, что здесь произошло.

– Я понятия не имею, – поспешил ответить Фицджеральд. – Я беседовал с друзьями, когда Сетон вдруг бросился на меня и едва не убил.

Алекс напряженно застыл.

– Я защищал честь дамы от лживых наветов.

Пембрук нахмурился и окинул Фицджеральда грозным взглядом.

– Я не потерплю, чтобы злословили о дамах...

– Это не ложь, – сердито возразил Фицджеральд. – Я не знал, что Сетон знаком с этой дамой. – Нежные щеки рыжеволосого рыцаря густо покраснели, должно быть, он вспомнил свои грубые, непристойные речи. – Я приношу извинения за то, что пришлось услышать сэру Алексу, но это правда. Я действительно провел ночь с леди Джоан.

Алекс издал возглас, подозрительно похожий на рычание, руки его сжались в кулаки. Он шагнул к Фицджеральду и, наверное, выбил бы ему пару зубов, не останови его Пембрук.

– Оставьте нас, – приказал он молодому капитану и его приятелям. – Я это улажу. – Рыцари повиновались, бросая украдкой косые взгляды на Алекса. – Похвально, что вы защищаете честь дам, Сетон, – продолжал граф. – Но в данном случае это неуместно. За дамой, о которой идет речь, закрепилась дурная слава. Она, хотя и выглядит скромницей, охотно принимает ухаживания молодых рыцарей. Похоже, дочь недалеко ушла от матери, хотя на первый взгляд может показаться иначе. – Алекс этому не поверил. Милая, скромная молодая девушка, которую он повстречал прошлой ночью, вовсе не походила на распутницу. Англичане оболгали Беллу, а теперь, кажется, добрались и до ее дочери. – Я слышал, что она задумала оболгать

сэра Ричарда, – продолжал Пембрук. – Вы не видели их прошлым вечером за ужином? Они сидели, сблизив головы, и были так поглощены друг другом, что, сдаётся мне, едва ли кто-то из этих двоих съел хоть кусочек.

Прошлым вечером. Будто тяжёлый молот ударил Алекса в грудь. Все вдруг встало на свои места.

– Нет, – оцепенело ответил он. – Меня не было за ужином.

Большую часть дня и ночи он обшаривал окрестности в поисках людей Эдуарда Брюса, которые могли затаиться поблизости. В замок он вернулся лишь после полуночи и поднимался по лестнице Капитанской башни, когда с небес в его объятия упал ангел в обличье женщины.

Она выходила среди ночи из той самой башни, где, очевидно, расположены покои Фицджеральда. Сказала, что будто бы ходит во сне. Ходит во сне.

А он оказался настолько глуп, что поверил ей.

Алекс чувствовал себя законченным болваном.

Рыцарь настиг ее у входа в главный зал, где все собирались к обеду. С поразительной для столь молодого человека сноровкой сэр Ричард затащил Джоан в кладовую, прижал к стене и, прежде чем она успела опомниться, приник губами к ее шее.

Однако Джоан знала, как покончить с этим, навсегда избавиться от навязчивых ухаживаний и непристойных просьб. После такого Фицджеральд не приблизится, будет обходить ее за сотни футов.

Иного выхода не было. К уловке с сонным порошком дважды не прибежешь. На этот раз ей, кажется, удалось запутать сэра Ричарда. Джоан надеялась, что он ничего не помнил о прошлой ночи. Хотя, возможно, надо было подсыпать ему побольше снадобья.

Из глаз у нее хлынули слезы. Заплакать нарочно не так-то легко, пришлось долго учиться, но это умение пригождалось ей не раз. Джоан всхлипнула, подавила рыдания и недоверчиво посмотрела на молодого рыцаря.

– Значит, вы не женитесь на мне? После прошлой ночи... вы должны поступить как подобает!

Лицо молодого рыцаря исказилось от ужаса, а когда Джоан горько зарыдала, страх его только усилился. Требование жениться остудило пыл сэра Ричарда, словно прыжок в ледяное озеро.

– Но я не м-могу... конечно, вы понимаете... вы ведь приبلуд...

К счастью для себя, сэр Ричард вовремя осекся. Иначе Джоан мучила бы его дольше, чтобы насладиться его страданиями.

– А как же ваша честь? – не удержалась она. – Я думала... – Джоан всхлипнула еще раз другой для правдоподобия. – Вы ведь рыцарь.

Как будто это все объясняло. Или должно было объяснить, отчего ее жалобы звучали еще более нелепо. Гордый отпрыск знатного рода, такой как сэр Ричард, и подумать не мог о том, чтобы жениться на «незаконнорожденной» девице с весьма сомнительной репутацией, даже если бы вправду ее соблазнил, хоть этого и требовала от него рыцарская мораль.

Да и что бы она делала, если бы один из этих «благородных» мужчин поступил «благородно»? Это только осложнило бы ее положение, ей стало бы труднее добиваться своей цели и избавляться от ненужных воздыхателей.

Джоан давно усвоила, что самый легкий способ отделаться от выбранного ею мужчины, который устал выслушивать вечные отказы или начал подозревать, что она не так «доступна», как ему казалось, – это произнести всего одно слово: «Женитьба». Кавалеры разбегались, как перепуганные мыши при виде кошки. Конечно, способ постыдный. Но весьма действенный.

– М-мне жаль, простите, – заикаясь, пробормотал сэр Ричард и стремглав бросился к двери, словно сам дьявол гнался за ним по пятам.

Не прибавив больше ни слова, он исчез, и на этом все кончилось.

Джоан вздохнула. Как тут не стать циничной, если поступки мужчин столь легко предсказать.

По крайней мере, обычно. Впрочем, сэра Алекса Сетона, которого в гвардии прозвали Драконом, сумел ее удивить. Джоан не знала, чего ждать от бывшего воина Хайлендской гвардии, предавшего Брюса и своих братьев, к которым она теперь принадлежала. Уж точно не доброты, почтительности, заботливого внимания и... да-да, галантности. Однако именно эти качества проявил он минувшей ночью. В какой-то миг Джоан сама едва не поверила, что она невинная скромная девушка, за которую он ее принял.

Боже милостивый, когда он подхватил ее на руки и понес вверх по лестнице к спальне... сердце ее чуть ни выпрыгнуло из груди. Казалось, она и теперь чувствовала силу могучих рук, обнимавших ее, и стальную твердость его груди – широкой, как рыцарский щит.

В его объятиях она чувствовала себя защищенной, ей было тепло и уютно. Как легко было бы закрыть глаза, прижаться щекой к этой крепкой груди и забыть обо всем... всего на минуту. Но, конечно, она не смогла. Та мечтательная наивная девушка, которой когда-то была Джоан, навсегда осталась в прошлом, как бы ни хотел сэра Алекс уверить ее в обратном.

Ей бы рассердиться на него за своеволие, но этот романтичный жест неожиданно ее трогал, она и не думала, что такое возможно. Должно быть, ее иссушенное сердце не совсем очерствело, хоть ей и нравилось воображать себя неуязвимой.

Джоан следовало быть осторожной. По множеству причин. Алекс Сетон был опасен. И не только потому, что пробуждал в ней давно забытые чувства. Он слишком много знал. Вероятно, он не подозревал о том, кто Джоан на самом деле, но ему было известно, что в стане англичан есть лазутчик, кто-то из высшего круга. Она сознавала: пусть Сетон и предатель, но, несомненно, опытный воин и человек проникательный. Не стоило его недооценивать – сэра Алекс представлял серьезную угрозу. В будущем его надлежало избегать любой ценой.

Шотландец, сражавшийся на стороне англичан, – в ее глазах он был худшим из предателей.

Но как это несправедливо! Изменнику, предавшему своего короля и друзей, следовало бы ходить с черной отметиной на лице, этот знак служил бы ей предостережением. Отступник уж точно не должен выглядеть так, будто только что выехал из ворот Камелота.

А может, все это только видимость, задумалась Джоан. Или в Англии все же остался один благородный рыцарь?

Она невольно усмехнулась этой нелепой мысли. Увы, ответ она не узнает. Отныне главное для нее – избегать Сетона. Джоан надеялась, что это будет несложно, он не станет искать с ней встреч.

Напрасно она беспокоилась. Стоило ей войти в главный зал несколько минут спустя, как она тотчас поняла: сплетники в замке уже позаботились о том, чтобы сэра Алекс обходил ее стороной.

Когда он ее заметил, одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять: слухи до него дошли. В ясных синих глазах его читалось суровое осуждение. Прежде чем отвернуться, он с презрением окинул ее взором, покосился на вырез платья, и губы его скривились от отвращения. Все это не должно было ее задеть, но задело.

Обычно Джоан не придавала значения тому, что в замке ее считали распутницей, истинной дочерью бесславной матери, из-за ее «бесчисленных связей» с мужчинами. Это было ей только на руку, и Джоан никогда не пыталась опровергнуть слухи. Дурная слава избавляла ее от излишнего надзора и ограждала от подозрений. Вдобавок пренебрежение англичан к «разгульной девице» позволяло ей ближе сойтись с людьми, которые в ином случае не стали бы искать встречи с ней наедине.

Но когда сэр Алекс скользнул взглядом по глубокому вырезу ее платья и резко отвернулся, щеки ее запылали, а сердце сжалось от горечи и боли, и с этим она ничего не могла поделать.

Прощайте мечты о галантных рыцарях. Сэр Алекс ясно показал свое осуждение и презрение.

Тем лучше. Джоан вскинула голову и расправила плечи, гордо выставив вперед грудь, которая, похоже, привлекала слишком много внимания. «У тебя есть миссия», – сказала она себе. И если легче будет добиться цели, заставив мужчин поверить в ее распутство, она будет носить платья, которые заставили бы устыдиться самую блудницу вавилонскую. Ее не заботило, что думают эти люди. Джоан знала правду, остальное не имело значения.

Она была призраком, бесплотной тенью, которой нельзя коснуться. Той, кому неведомы чувства.

Когда на следующее утро сэр Ричард покинул замок Карлайл, а вскоре за ним последовал сэр Алекс, Джоан порадовалась. Две проблемы разрешились сами собой. Теперь она могла сосредоточиться на единственно важной цели: добывать ценные сведения для Брюса и стараться не попасться.

Глава 5

*Замок Берик, Берик-апон-Туид,
Английские земли на границе с Шотландией
16 мая 1314 года*

Джоан приблизилась к помосту, чувствуя на себе жадные любопытные взгляды. К обеду она надела платье еще более смелое и откровенное, чем обычно. Она всегда любила красный, но в последнее время предпочитала другие цвета, чтобы не привлекать слишком много внимания.

Однако сегодня ей нужно было вызвать к себе всеобщий интерес, и густо-рубиновый бархат ее котарди⁴ как нельзя лучше отвечал этой цели. Впрочем яркий наряд, разумеется, не выглядел театрально. Изящно скроенный лиф плотно облегал фигуру и почти непристойно открывал грудь. Если бы Джоан могла сделать глубокий вдох, что в столь узком наряде едва ли было возможно, ей грозила бы опасность, что в вырезе покажутся соски.

В сочетании с красным бархатом нижнее платье из золотистого дамаста, украшенное бисером и отделанное тонкой вышитой тесьмой, выглядело ослепительно. Отброшенные назад распущенные волосы удерживал простой золотой обруч. Золотистая вуаль из тончайшего газа покрывала ее затылок, такая легкая и прозрачная, что казалось, ее и нет вовсе.

У Джоан осталось лишь несколько украшений. Большую часть драгоценностей, что подарил ей отец, потребовали себе ее родственники в счет наследства, львиная доля досталась Элис. Кузина не удостоила вниманием простое золотое ожерелье, камею и маленькие рубиновые сережки, которые надела Джоан этим вечером. Подаренный Макрауайри браслет она спрятавала под рукавом платья. Джоан не хотела, чтобы Элис его заметила и начала задавать вопросы.

Готовясь к обеду, Джоан, вопреки обыкновению, подбирала себе наряд с особой тщательностью, и, судя по восхищенным взглядам мужчин, которые так и пожирали ее глазами, усилия ее принесли плоды. Однако она пыталась завоевать внимание лишь одного мужчины. А мужчину этого привлекали вызывающая дерзость и показной блеск. Сэр Хью Деспенсер, новый фаворит короля Эдуарда, любил все лучшее. Еще юношей он всегда окружал себя самыми изысканными, прекрасными и редкостными вещами.

Джоан была знакома с сэром Хью уже шесть лет. Его родитель, сэр Хью-старший, был первым ее опекуном после смерти отца. Ей нравился старый рыцарь, да и сэр Хью-младший всегда был добр к ней, хотя встречались они нечасто – тот почти все время бывал в разъездах.

Девочкой она смотрела с невольным восхищением на беспутного лорда, темноволосого, черноглазого молодого вертопраха, в чьей утонченной красоте проглядывала девическая смазливость. Он одевался в роскошные красочные наряды, достойные короля. При всей его заносчивости, тщеславии и непомерной самонадеянности сэр Хью обладал неизъяснимой притягательной силой. Джоан всегда восхищал его необузданный нрав: этот отчаянный сумасброд не знал ни раскаяния, ни сожаления. Было своеобразное очарование в человеке, который не притворялся другим и прямо говорил, чего хочет.

Вдобавок понятия чести были ему не чужды. Когда Джоан выросла и превратилась в молодую женщину, она стала замечать, что сэр Хью задерживает на ней взгляд и в глазах его вспыхивает интерес уже иного рода. Однако он всегда держался с ней почтительно, как того требовало положение Джоан в доме его отца, и, в отличие от других мужчин, никогда не пытался перейти черту дозволенного.

Джоан надеялась, что теперь, когда все преграды рухнули, он передумает. Ей хотелось взглянуть в его сторону, узнать, обратил ли он на нее внимание, но вместо этого она заставила

⁴ Верхняя одежда, распространенная в Европе XIV в.

себя отвернуться. Джоан не желала раскрывать свои истинные намерения и показывать особый интерес к сэру Хью – мужчины предпочитают быть охотниками, а не дичью.

Джоан знала, что рискует, и сильно рискует, избрав своей мишенью этого мужчину. Он был старше и умнее тех молодых рыцарей, которым она обычно кружила головы. Но если верны были слухи о том, что сэр Хью пользуется особым доверием короля, дело того стоило.

Король Эдуард еще оплакивал смерть своего прошлого фаворита, Пирса Гавестона, графа Корнуолла, казненного почти год назад. В королевстве еще не утихли волнения после расправы горсточка баронов Эдуарда над ненавистным Гавестоном.

Истинная природа отношений короля с его любимцем Гавестоном и другими мужчинами, которых Эдуард приближал к себе, служила предметом бесконечных споров и домыслов, но поскольку фавориты часто бывали людьми женатыми и имели любовниц, чему король нисколько не препятствовал, Джоан полагала, что за этими отношениями скрывается нечто большее, нежели простое вожделение. Содомия, в которой кое-кто обвинял короля, – слишком простое объяснение. Чувство Эдуарда к этим мужчинам намного сложнее. То была дружба, братская привязанность, любовь столь глубокая, всепоглощающая, что она граничила с одержимостью. Эта любовь ослепляла его, заставляя забыть обо всем. Он осыпал своих фаворитов щедрыми дарами, не заботясь о недовольстве баронов, королевы и собственных подданных.

Сидевшие за главным столом мужчины встали, стоило Джоан приблизиться к помосту. Де Бомонт подал ей руку и усадил ее рядом с кузиной Маргарет, младшей сестрой Элис, которая приехала в замок Карлайл незадолго до того, как все отправились в Берик. Джоан знала: когда придет король со свитой, ей придется занять свое обычное место за одним из длинных столов внизу, но пока в замке было не так много женщин, ее удостоили чести сидеть на возвышении.

– Сегодня вы ослепительно хороши, кузина, – произнес сэр Генри и, не выпуская ее руки, окинул девушку долгим оценивающим взглядом.

Огонек интереса в его глазах не понравился Джоан, а жене сэра Генри тем более.

Элис недобро прищурилась.

– Прелестное платье, кузина. Не помню, чтобы я видела его раньше.

Джоан беззвучно пробормотала ругательство. Меньше всего ей хотелось пробудить интерес у распутника де Бомонта и навлечь на себя гнев Элис. Иногда ревность кузины служила Джоан на пользу. Сказать по правде, дамы могли бы остаться в замке Карлайл, а не сопровождать сэра Генри с его людьми в Берик, куда призвал его король, но Элис пожелала отправиться вместе с супругом и не спускать с него глаз. Она подозревала, что во время своей последней поездки в Лондон ее муж вступил в любовную связь с одной из фрейлин королевы Изабеллы (что было истинной правдой). Когда стало известно, что королева придет на север вместе с королем, Элис добилась, чтобы сэр Генри позволил ей ехать с ним в Берик.

В отличие от своей предшественницы, супруги короля Эдуарда Первого, сопровождавшей его в военном походе к замку Стерлинг, королева Изабелла с остальными дамами должна была остаться вдали от опасностей за надежными стенами замка Берик, когда король с армией выступит.

У Джоан навсегда остались горестные, тяжелые воспоминания о замке, где держали пленницей ее мать, но пребывание там давало редкую возможность оказаться в самом центре событий и добыть бесценные сведения. Ревность кузины, не пожелавшей отпустить от себя мужа, сослужила Джоан добрую службу. Но иногда, как теперь, подозрительность вспыхивала в Элис чертовски несвоевременно. Не хватало только, чтобы ревнивица следила за ней.

– Благодарю, кузина, – ответила Джоан, сделав вид, будто не заметила беспокойства Элис. – Это платье мне сшила леди Изабелла перед нашим отъездом. Пришлось немного его переделать, но я рада, что оно мне еще впору.

Кузина скользнула хмурым взглядом по глубокому вырезу платья Джоан и поджала губы, должно быть, не согласилась, что платье впору.

Но прежде чем она успела заговорить, раздался другой голос.

– Я непременно поблагодарю свою матушку, когда увижу ее в следующий раз, – произнес мужчина, сидевший по другую сторону от сэра Генри. При звуках этого голоса Джоан обдало волной радости, и торжество ее лишь усилилось, когда, повернув голову, она встретила восхищенный взгляд сэра Хью. – Ее изысканный вкус сродни красоте женщины, что носит это платье.

Джоан очаровательно покраснела и кивком показала сэру Хью, что оценила комплимент. Она еще чувствовала на себе его жаркий взгляд, когда повернулась к кухне Маргарет, которая ничуть не походила на свою сестру, и негромко заговорила с ней о делах, намеченных на следующий день.

Джоан не было нужды привлекать к себе больше внимания. Она зажгла искру. Оставалось только ждать, вспыхнет ли пламя.

От искры разгорелся пожар.

Сэр Хью запомнился ей человеком дерзкого, решительного нрава, и он ее не разочаровал. Едва успели подать первое блюдо, а он уже подошел к скамье, где сидела Джоан, и втиснулся между ней и Маргарет. До конца обеда он развлекал их забавными историями из придворной жизни, с живостью описывал всевозможные курьезные случаи, которым сам был свидетелем. Эти меткие, остроумные наблюдения невозможно было слушать без улыбки, обе дамы смеялись так, что по щекам их градом катились слезы. Джоан забыла, каким очаровательным собеседником мог быть сэр Хью, она так увлеклась его историями, что почти забыла о своей миссии. Но ближе к концу трапезы, когда Маргарет отвлеклась на беседу с сестрой, чары рассеялись, и Джоан вспомнила, зачем приехала в замок.

Сэр Хью придвинулся ближе и наклонился к ней, головы их почти соприкасались.

– Вы выросли и превратились в прелестную молодую женщину, леди Джоан. Должен признать, вы меня удивили.

– Отчего же, милорд?

Джоан ощутила, как его горячий взгляд скользнул по ее обнаженной шее и груди в вырезе платья. Сэр Хью не скрывал своих намерений и желаний. Он хотел обладать ею и открыто это показывал. Его дерзкая прямота вызвала у Джоан невольное восхищение. Она предпочитала деловитую откровенность притворству и лживым обещаниям.

– Я не ожидал, что тихая, замкнутая девочка, которая часто наблюдала за мной, думая, будто я не замечаю, вырастет столь дерзкой и бесстрашной. – Его мускулистое бедро под столом прижалось к ее ноге. Сэр Хью, высокий, могучего сложения мужчина, обладал незаурядной физической силой, Джоан получила возможность в этом убедиться. – Вы ведь любите приключения, миледи?

Ошибиться в его намерениях было невозможно.

– При благоприятных обстоятельствах, милорд, – ответила Джоан, затем прибавила: – И с верным спутником, конечно.

Глаза сэра Хью потемнели от предвкушения – он уловил обещание в ее словах. Джоан больше всего хотелось отодвинуться и отвернуться, но она заставила себя выдержать его взгляд. Ей стало не по себе, этот человек вызывал в ней смутное чувство тревоги. Сэр Хью Деспенсер отличался от всех других рыцарей, через которых она добывала сведения. Те были почти мальчишками, он же – зрелым мужчиной. И Джоан почувствовала, сколь велико различие. Одно дело играть со щенком, совсем другое – с волком. Ей подумалось, что, если сэр Хью вопьется в нее зубами, страхнуть его будет не так-то легко.

– Конечно. – Его рука чуть подвинулась и легко коснулась ее пальцев. – Надеюсь, нам предстоит пережить вместе немало приключений, пока вы здесь. – Джоан не ответила, не желая выдавать свой интерес. Сэр Хью помолчал и добавил: – Мне бы не хотелось быть обязанным де Бомонту, но на этот раз, пожалуй, я перед ним в долгу.

– Вот как, милорд? – Джоан вопросительно склонила голову набок.

– Ведь он привез вас сюда, – произнес рыцарь с улыбкой. – Я ожидал, что придется неделями томиться здесь, изнывая от скуки, пока идет подготовка к походу, но теперь полон радостных надежд. Думаю, дни в Берике обещают быть необычайно... увлекательными.

Джоан воспользовалась наступившей паузой.

– Уверена, нас ждет множество увеселений, когда придут король с королевой.

Похоже, ему показалось забавным, что Джоан нарочно разыграла непонимание, но он позволил ей сменить тему разговора.

– Да, не сомневаюсь, королева и ее фрейлины не захотят лишиться своих привычных развлечений. Даже в разгар войны. Ее величество любит игры и турниры почти так же страстно, как король.

«А он и вправду красив, – подумала Джоан, – хотя, пожалуй, внешность его немного слашава». В памяти ее возник образ золотоволосого рыцаря, но она отогнала прочь воспоминание. Алекс Сетон полностью отвечал ее представлениям о мужской красоте, однако за прошедший месяц она лишь утвердилась в мысли, что его следует избегать. Джоан знала, что он тоже придет в Берик, и это заставило ее сомневаться, не напрасно ли она едет в замок.

Чем больше она думала об Алексее Сетоне, тем сильнее мучили ее сомнения. Не стоит сгущать краски, наконец сказала она себе. Наверное, он и не вспомнит о ней, тогда держаться поодаль не составит труда. А может быть, он отправится в замок Уорк вместе с основной частью армии, а не в Берик, где собираются военачальники Эдуарда. Один замок от другого отделяет пятнадцать миль, этого расстояния вполне достаточно.

Джоан вернулась мыслями к сэру Хью, вот о ком ей теперь следовало думать.

– Вы говорите так, будто хорошо знакомы с королевой, милорд.

Его губы насмешливо скривились.

– Я больше дружен с королем, чем с королевой, но да, в минувшем году я провел немало времени в королевских дворцах.

Джоан изобразила подходящее к случаю изумление.

– Вы не захотели совершить путешествие на север вместе с королевской свитой?

– Я не назвал бы «путешествием» сопровождение тяжело груженного королевского обоза, который еле тащится, – со смехом ответил рыцарь. – Я доехал с ними до Ньюминстера, а затем меня отослали вперед с депешей для Пембрука. – Сэр Хью неожиданно нахмурился, на лице его отразилась досада. – Я был рад, что покидаю кортеж. Препирательства между Херефордом и Глостером довели бы до греха и святого.

Это оброненное вскользь замечание показало, что сэр Хью уже оказался очень полезным источником. Брюсу любопытно будет узнать, что два могущественных английских графа откликнулись на призыв своего сюзерена и едут на битву в сопровождении многочисленной свиты. А что еще важнее, в стане врага не утихают раздоры. Но более всего интересовало Джоан содержание депеши.

– Наверное, депеша была крайне важна, – проговорила она. На языке у нее вертелось еще множество вопросов, но Джоан понимала: настаивать нельзя.

К счастью, расспрашивать сэра Хью ей не пришлось.

– Да, это так. – Казалось, он не в силах сдержать злобное торжество. – Теперь это уже не секрет. Осада Стерлинга снята.

Джоан не пришлось разыгрывать удивление.

– В самом деле?

Рыцарь кивнул.

– Сэру Филиппу Моубрею позволили беспрепятственно покинуть замок, он лично отправился в Англию, чтобы сообщить весть королю. – Джоан знала, что Моубрей, бывший шотландский патриот, присягнул на верность королю Эдуарду и получил звание хранителя замка

Стерлинг, важнейшей шотландской цитадели. – Моубрей убедил Эдуарда Брюса заключить перемирие. Он согласился сдать замок шотландцам, если английская армия не освободит гарнизон к Иоаннову дню⁵. – Джоан изумленно округлила глаза. Это рассмешило сэра Хью. – Да, со стороны Эдуарда Брюса это крайне безрассудный шаг, должно быть, ему наскучило держать в осаде крепость. Подобное тактическое решение едва ли послужит на пользу войску его брата. Насколько я слышал, король-разбойник пришел в бешенство.

Джоан могла вообразить гнев Брюса. Бросить подобный вызов англичанам означало заставить короля Эдуарда ответить сокрушительным ударом, повести войска на Шотландию. Как раз этого пытался избежать король Роберт. Должно быть, его привело в ярость, что брат упустил возможность занять один из важнейших бастионов Шотландии до наступления англичан. После недавних побед Брюса, когда ему удалось отвоевать крупнейшие шотландские крепости, выбив из них английские гарнизоны, снятие осады с замка Стерлинг стало для него серьезным поражением. Заключенное Карриком соглашение обозначило для англичан цель и сроки.

Джоан оборвала себя. А что, если все это часть замысла? Она достаточно знала о единственном оставшемся в живых брате короля Роберта, чтобы сказать: может, Эдуард и бывал подчас безрассуден и излишне горяч, но глупцом он не был. Возможно, в истории со снятием осады все не так, как кажется на первый взгляд? А что, если таково желание Брюса? Быть может, он нарочно отвел войска, чтобы знать, где и когда англичане вторгнутся в Шотландию, куда направят основные силы?

Джоан притворилась разочарованной в надежде разговорить сэра Хью и выведать подробности.

– К Иоаннову дню? Но это значит, что вы скоро покинете нас?

Она понимала: потребуется время, чтобы армия англичан продвинулась далеко вглубь Шотландии и подошла к Стерлингу до двадцать четвертого июня. Джоан рассчитывала узнать, когда выступят англичане и насколько велико их войско.

Сэр Хью смерил ее долгим понимающим взглядом.

– У нас есть еще несколько недель. Едва ли валлийские пехотинцы придут раньше.

Джоан нахмурила брови, искренне надеясь, что изобразила недоумение, а не жгучий интерес.

– Но ведь валлийцы уже в Уорке.

– После прибытия Моубрея король призвал еще больше войск под свои знамена. В поход на Шотландию отправится самая крупная армия со времен битвы при Фолкерке, что состоялась шестнадцать лет назад. На этот раз королю-разбойнику не удастся ускользнуть.

– Ну еще бы, милорд. Кажется, я никогда в жизни не видела столько рыцарей и вооруженных воинов, сколько здесь, в Берике.

– Видели бы вы замок Уорк, – усмехнулся сэр Хью. – Там их многие тысячи.

Джоан наклонилась ближе, в глазах ее читалось обещание.

– О, я бы очень этого хотела. Наверное, мы могли бы съездить туда как-нибудь, и вы бы мне показали. В Берике тесновато, вы не находите?

Она знала, кто из командующих английскими войсками успел прибыть в Берик: Пембрук, лорд Роберт Клиффорд и лорд Генри де Перси. Было здесь и несколько шотландцев, принявших сторону английского короля. Роберт де Амфравилл, граф Ангус; Инграм де Амфравилл; Александр Абернати и Адам Гордон. Но Джоан хотела увидеть остальных рыцарей, явившихся на зов короля Эдуарда, и посмотреть, много ли воинов привели они с собой. Поездка в другой лагерь помогла бы ей достичь цели. Правда, она подозревала, что удержать сэра Хью на расстоянии будет не так-то просто, от него не откупишься пустыми обещаниями, как от сэра Ричарда.

⁵ Рождество Иоанна Крестителя, отмечается западными христианами 24 июня.

Когда рука его скользнула под стол и легла ей на колено, Джоан поняла, что не ошиблась. Она игриво повела глазами, погрозила пальцем сэру Хью и стряхнула его ладонь.

К счастью, в следующий миг Маргарет обратилась к нему с вопросом, что дало Джоан время овладеть собой. Однако беспокойство не прошло, кожа ее покрылась мурашками, волоски на теле встали дыбом. Она думала, что виной тому прикосновение сэра Хью, но оглянувшись, заметила в конце зала нескольких мужчин. Один из них смотрел на нее так пристально, будто хотел прожечь взглядом насквозь.

У Джоан перехватило дыхание, столько свирепой ярости увидела она в его горящих глазах. Похоже, Алекс Сетон ее не забыл.

– Вас что-то встревожило, Сетон?

Алекс отвел взгляд от возвышения и посмотрел на прославленного рыцаря, стоявшего рядом. Сэр Адам Гордон был великим шотландским патриотом в первые годы войны, но всегда хранил верность королю Шотландии Джону Балиолю, отрекшемуся от престола. Рыцарская честь не позволила сэру Адаму сражаться на стороне Брюса, хотя союз с англичанами против своих соотечественников, как догадывался Алекс, был глубоко ему противен. Низложенный Балиоль жил в изгнании во Франции и едва ли мог рассчитывать вернуть себе трон, даже став марионеткой англичан. Алекс не раз задумывался, не испытывал ли сэр Адам искушения перейти в лагерь Брюса.

Алекс восхищался сэром Адамом. С тех пор как он перешел на сторону англичан, этот немолодой рыцарь был для него светлым пятном во мраке. Владения сэра Адама, как и земли Алекса, находились в приграничье, где царил беззаконие. Их народ страдал под бременем войны, терпя набеги с обеих враждующих сторон. Сэр Адам тоже желал, чтобы закончилась война, несущая смерть и беды его людям.

Они стремились к единой цели, вдобавок сэр Адам приходился дядей одному из павших товарищей Алекса. Уильям Гордон по прозвищу Храмовник погиб более трех лет назад в яростной схватке, выполняя задание Хайлендской гвардии. Сэр Адам был одним из лучших людей, каких Алекс когда-либо знал в жизни. Славный воин не подозревал о той связи, что существовала между ними, но Алекс всегда ощущал ее.

Он тряхнул головой, стараясь не замечать пару за главным столом, и усилием воли заставил расслабиться сведенные напряжением мышцы.

– Нет, все хорошо.

Сэр Адам взглянул на него и усмехнулся.

– Значит, у вас нет причин смотреть на красавца Деспенсера так, будто вы готовы всадить кинжал ему в грудь? – Он перевел взгляд на девушку, сидевшую рядом с новым фаворитом короля Эдуарда. – Кто эта женщина?

Похоже, Алекс невольно выдал свои чувства. Эта девица впиалась ему в сердце, как заноза, должно быть, он изменился в лице, оттого сэру Адаму не составило труда прочесть его мысли. Черт побери, какое ему дело до того, с кем она делит постель?

– Джоан Комин.

Брови сэра Адама поползли вверх.

– Дочь Бьюкена?

Алекс кивнул.

– Да, хотя кое-кто, возможно, с этим не согласится.

Лицо стареющего рыцаря омрачилось, лоб пересекла недовольная складка.

– С девушкой поступили недостойно, постыдно. Она дочь Бьюкена, это нельзя отрицать, они похожи. – Губы его дрогнули в усмешке. – Хотя, надо признать, она гораздо красивее.

Алекс заметил вопросительный взгляд сэра Адама, но оставил его без внимания.

– Думаю, дело не в ней, а в ее матери. Вдобавок это дало де Бомонту повод сражаться в Шотландии.

– Вы знакомы с ней?

– Нет. – Алекс помолчал и прибавил: – Я знал ее мать.

Он помнил, как сильно Белла любила дочь. Если бы она видела, что стало с девушкой, это ее убило бы. Насколько ему довелось услышать за последний месяц, сэр Ричард был далеко не первым ее любовником и явно не последним, о чем красноречиво говорили взгляды, которыми она обменивалась с Деспенсером. Девушка весьма откровенно показывала свой интерес к нему. Черт возьми, одно ее платье чего стоило! Оно выглядело как бесстыдное приглашение к любовным утехам! Вырез был таким глубоким, что Деспенсер, должно быть, ждал затаив дыхание, когда она кашляет или чихнет. Боже милостивый, Алекс и сам не мог оторвать взгляд от ее корсажа, стоило ей рассмеяться или вздохнуть.

Сэр Адам осмотрелся по сторонам, хотя рядом не было никого из воинов, приехавших вместе с ними из Уорка, кто мог бы подслушать их разговор, чтобы потом доложить Пембруку.

– Будьте осторожны. Ваше положение в армии Брюса без того навлекло на вас подозрения. Едва ли стоит напоминать о своем знакомстве с одной из самых известных шотландских мятежниц.

В этом предостережении Алексу почудилось нечто зловещее. Он недоуменно нахмурился.

– Меня в чем-то обвиняют? Я не давал Эдуарду повода усомниться в моей преданности.

– Вы шотландец, – ответил рыцарь с горечью. – Кое-кто считает это достаточным поводом для сомнений.

Хотел бы Алекс, чтобы кто-нибудь сказал это Бойду. Для бывшего его соратника он был англичанином только потому, что родился в Англии, хотя всю жизнь прожил в Шотландии и считал себя шотландцем.

Однако теперь он чувствовал, что сэр Адам пытается сказать ему что-то еще.

– Но?..

Рыцарь снова огляделся и понизил голос.

– Стало известно, что у Брюса есть хорошо осведомленный лазутчик в лагере англичан, кто-то из высшего круга. Приближается поход, и король считает важнейшей задачей разоблачить шпиона.

Алекс знал о лазутчике. В гвардии его называли Призраком. Последние несколько лет этот человек добывал ценнейшие сведения для людей Брюса. Но когда до Алекса дошел смысл слов сэра Адама, он ошеломленно замер. Проклятье!

– Так они думают, что это я?

Рыцарь пожал плечами.

– Ваше имя называлось в числе других.

В этих нелепых подозрениях есть какая-то горькая ирония, подумал Алекс. Он пошел против своих друзей и братьев, стал для них врагом, чтобы сражаться на стороне англичан, а англичане думали, будто он все еще служит людям, которых предал. Он вскинул голову и расправил плечи.

– Это неправда. Я презираю хитрость и уловки. Вдобавок как бы я передавал Брюсу сведения по пути в Лондон?

– Я не сказал, что поверил. Или что подозрения небеспочвенны. Но ваши призывы к миру и попытки устроить переговоры не остались незамеченными.

– Выходит, если я устал видеть страдания своего народа и хочу положить конец войне, то я лазутчик?

Алекс знал: сэр Адам его понимает, ведь он попал в похожее положение. Бароны, чьи владения находились близ границы, оказались в тяжелейших обстоятельствах. Поддержать Брюса значило навлечь на себя гнев англичан, а выступивший против него становился его заклятым

врагом. Чью бы сторону они ни заняли, война опустошала их земли и несла людям неисчислимые страдания.

– Я чувствую то же, что и вы, но англичане подозревают каждого, кто не призывает снести Брюсу голову. Им не нужно мирное решение. Эдуард никогда не признает Брюса королем. Что ж, по крайней мере, в этом он похож на отца.

Между английским королем Эдуардом Вторым и могущественным Эдуардом Первым, называвшим себя Молотом Шотландцев, было мало сходства, но Алекс начинал думать, что в словах сэра Адама есть правда. Последние два года он всеми силами старался убедить Эдуарда признать законность притязаний Брюса на шотландский престол, однако так и не приблизился к цели, а без этого вождь шотландцев не согласился бы заключить мир. Со временем становилось все яснее, что единственное решение, единственный способ положить конец войне – вступить в решающую битву, где победит сильнейший. Пусть Господь решит, на чьей стороне правда. Но Брюс избегал судьбоносного сражения. Что, если он будет упорствовать и дальше?

Эта проклятая война могла длиться до бесконечности. И все попытки Алекса завершить ее оказались тщетными. Он тихо выругался сквозь зубы, не в силах скрыть горечь. Нет, черт возьми, он этого не допустит.

Словно угадав его чувства, сэр Адам похлопал Алекса по плечу.

– Если это вас утешит, подозревают не только вас. Не доверяют большинству из нас. – Алекс знал, кого имел в виду сэр Адам. Шотландцев в английской армии. – За исключением разве что молодого Комина, – сухо прибавил рыцарь.

Да, скорее в аду выпадет снег, нежели молодой Джон Комин станет лазутчиком того, кто убил его отца перед алтарем церкви Грейфрайерс восемь лет назад. Многие называли это убийство подлым и коварным, однако Брюсу оно позволило заявить о своих правах на шотландскую корону.

Англичане не доверяли шотландцам в своих рядах, это не было новостью. Советы и суждения, высказанные шотландцами, чаще всего отменялись, англичане к ним не прислушивались. Это, как и многое другое, не раз вызывало у Алекса обиду, досаду и гнев, с тех пор как он перешел в лагерь англичан.

Но если англичане считают его вражеским лазутчиком, то не поверят его словам, что бы он ни сказал.

Все, чем ему пришлось пожертвовать, чтобы попытаться положить конец войне, не будет значить ничего. Алекс вспомнил ожесточенные лица бывших своих братьев, когда он видел их в последний раз, и понял, как должен поступить.

– Благодарю вас за предостережение, – сказал он сэру Адаму. – Но я намерен доказать, что осведомитель не я.

Стареющий рыцарь вопросительно приподнял бровь.

– И как же вы собираетесь это сделать?

Ответ был прост.

– Я сам найду этого проклятого лазутчика.

Глава 6

Предложение Алекса удивило Пембрука, однако он ответил согласием. У него не было причин для отказа. В случае успеха англичане получили бы лазутчика, а в случае неудачи – ничего не потеряли бы.

Несомненно, Пембрук решил, что у Алекса больше шансов обнаружить шпиона, поскольку тот сам шотландец. Алекс прекрасно понимал, что предложение помощи не отведет от него подозрений, но поскольку скрывать ему было нечего, это его не заботило.

Выйдя из комендантских покоев, где он встречался с Пембруком, Алекс обвел глазами главный зал и увидел лишь нескольких людей, которые засиделись за трапезой, вернее сказать, за вином. Стол на возвышении полностью опустел. Алекс почувствовал облегчение. Что вытворяла Джоан Комин и с кем проводила время, его не касалось, однако видеть это он не желал.

Впрочем, рано он радовался. Не успел Алекс выйти из зала в галерею, ведущую к западным воротам, как до него донесся хриловатый смех, от которого желание обжигающей волной прокатилась по его телу. Ему не доводилось слышать этот смех раньше, и он никак не мог его узнать, но все же узнал.

Алекс инстинктивно отступил в тень. В этом не было надобности. Пара, что выскользнула из ниши в дальнем конце коридора, его не заметила. Один бог знает, чем они занимались среди бела дня там, где любой мог на них наткнуться, черт бы их побрал!

Алекс скрипнул зубами. Ему показалось или ее непристойное платье выглядело немного измятым? Будто в подтверждение этой мысли, в следующий миг Джоан Комин поправила корсаж. Руки Алекса сами собой сжались в кулаки.

Все его тело напряженно застыло, словно обратилось в камень.

Алекс сам не понимал, что с ним творится. Это безотчетное первобытное чувство он испытывал впервые. Отчего эта девушка вызвала в нем такую... ярость? Какое ему дело до того, в чьей постели она спит? Его это не касалось. Он едва ее знал. Она ничего для него не значила.

Но ее мать значила.

Должно быть, дело было в этом. Возможно, тот необъяснимый гнев, что он почувствовал, увидев, как Джоан Комин позорит себя, связан с Беллой. Когда-то Белла была ему другом, а может, осталась и теперь. Ей пришлось расстаться с дочерью из-за Хайлендской гвардии или по меньшей мере из-за Макруайри. Наверное, тогда не было другого выхода, но Алекс все еще чувствовал свою ответственность за то, что случилось.

Поэтому, когда мгновение спустя Джоан ушла, Алекс последовал за ней. Он хотел лишь поговорить с ней, только и всего. Это его долг, сказал он себе. Долг перед ее матерью.

Джоан одолевала сомнения. Не зря она опасалась сэра Хью. Он совершенно не походил на тех желторотых юнцов, у которых она обычно добывала сведения. Приблизить его к себе означало бросить вызов опасности.

Боже милостивый, он затащил ее в нишу, прежде чем она поняла, что происходит. Лишь заверения, что ее ждет кузина, позволили Джоан ускользнуть, отделившись «всего одним поцелуем», которого он потребовал как плату за освобождение.

К счастью, от него не разило селедкой, но даже торопливое касание его губ встревожило Джоан, напомнило об опасности. О, сэр Хью Деспенсер знал, что делает. Он определенно был опытным соблазнителем. Счастье, что его чары на Джоан не действовали.

Когда она уходила, сэр Хью прошептал ей: «До завтра». В этих словах слышалось обещание. Джоан боролась с искушением сослаться на недомогание и отказаться от поездки в соседний замок. Но она не могла упустить возможность добыть сведения о войсках англичан

в Уорке. Ради этого стоило постараться, даже если придется столкнуться с трудностями, твердила она себе. Однако кошка вдруг почувствовала себя мышью.

Вместо того, чтобы вернуться в башню, Джоан решила воспользоваться теми светлыми часами, что оставались до заката, и оставить записку доверенному человеку. Брюс хотел бы как можно скорее узнать о свежем пополнении, прибывшем в распоряжение Эдуарда из Уэльса, и о раздорах в стане англичан.

По счастью, как раз для этой цели она захватила с собой простую темную накидку с капюшоном. Накидка скрыла яркое платье, которое едва ли осталось бы незамеченным. В неприметном наряде она могла смешаться с деревенскими жителями, непрерывно сновавшими между соседним селением и замком.

Роль приживалки давала Джоан некоторые преимущества. Лишившись высокого положения, она обрела свободу ходить куда вздумается. Никого не заботило, где проводит время приبلудная дочь распутной жены Комина. Она могла выходить за ворота и исчезать, не опасаясь, что кто-то ее хватится. Джоан, в отличие от ее кузин, не сопровождала ни свита, ни стража.

Однако во время тайных вылазок в город она всегда соблюдала осторожность. Джоан могла защитить себя в случае нужды, но не хотела привлекать внимание и сторонилась людей.

Во время короткой прогулки до города и обратно ранним вечером ей ничто не угрожало. В эти часы воины гарнизона обычно заняты будничными делами, а в пивных еще не так много посетителей (иными словами, ей не придется убегать от любвеобильных пьянчуг).

И в самом деле, на главной улице еще толпились торговцы и покупатели, когда Джоан шла по булыжной мостовой к лавке с дорогими тканями, где ей предстояло впервые встретиться с доверенным человеком. Она знала, что Брюс с епископом выбирали посредника крайне тщательно, и все же не могла избавиться от чувства тревоги. Особенно уязвимой она чувствовала себя, когда передавала сведения.

Джоан сучала по своей «итальянской монашке», но бывшей ее посреднице, Джанет Мара, пришлось оставить службу у Брюса несколько лет назад, когда ее раскрыли. С тех пор посредники сменяли друг друга, в основном это были монахи, но на сей раз – жена торговца тканями. Джоан представления не имела, кто эта женщина и почему ей можно доверять, она знала лишь имя.

Девушка остановилась напротив лавки и посмотрела в окно, желая убедиться, что женщина там, как вдруг увидела в стекле какое-то движение у себя за спиной. Сердце Джоан заколотилось как безумное.

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы привести в порядок мысли и успокоиться. Джоан не могла в это поверить. Кто-то преследовал ее, и, что еще важнее, она этого не заметила. В один миг потрясение сменилось гневом. Как она могла не заметить слежки? Возможно, виной тому истерзанные нервы после эпизода с Деспенсером, который так легко застиг ее врасплох в галерее. Это единственное объяснение, что пришло ей в голову.

Святые угодники! Она едва не заговорила с посредницей, едва не передала послание для Брюса!

Но кто следил за ней и зачем?

Ответ не заставил себя ждать. Все ее чувства обострились до предела. Когда позади выросла чья-то громадная фигура, Джоан пришлось собрать все свои силы, чтобы побороть сковавший ее страх.

– Так вы войдете?

При звуках этого низкого голоса она невольно выпрямилась, кожа ее похолодела, по спине поползли мурашки. В душе вспыхнула злость и досада. Да, Джоан в этом не сомневалась. Почти.

Медленно повернувшись, она встретила испытующий взгляд Алекса Сетона.

Если у нее и были сомнения, что этот человек таит в себе угрозу, худшие ее опасения подтвердились. Ее учили ускользать, его же учили преследовать, и, возможно, у них был общий учитель.

Ей бы следовало думать о том, как избавиться от него поскорее. Но вместо этого она как замороженная смотрела в его ясные, ярко-синие, почти небывалого цвета глаза на усталом, изможденном лице.

Он выглядел так, будто неделями не спал. Будто нес на своих плечах всю тяжесть мира. Этим утром Сетон даже побрился небрежно. Тонкая полоска щетины, темневшая слева у него под скулой, говорила об усталости. Джоан почувствовала вдруг странное желание протянуть руку и ласково погладить эту колючую щеку.

Но что ей за дело до его усталости? С чего бы ей его утешать? Он следил за ней, напомнила она себе. Этого она не могла допустить.

Джоан вздернула подбородок и смерила Сетона свирепым взглядом.

– Не сегодня, хоть это вас совершенно не касается.

– Возможно, вам стоит подумать еще, – отозвался он.

Джоан нахмурилась, задетая его жестким тоном, и вдруг заметила крошечные складки вокруг его сурово сжатого рта. Сэр Алекс был явно рассержен, это казалось бессмыслицей. Если кому и следовало сердиться, так это ей.

Она скрестила руки на груди и приняла неприступный вид. Благоразумнее будет сразу его осадить, решила Джоан. Ему явно хотелось схватить ее в охапку, она это чувствовала.

– И почему же я должна передумать?

– Судя по вашему платью, вам нужны новые наряды. И хорошо бы, чтоб на них пошло чуть больше ткани.

Джоан задыхнулась от изумления и ярости. Потрясенная, она недоверчиво смотрела на Сетона. И надо же...

– Как вы смеете! Вас не касается, какие на мне платья. Кажется, вы мне не отец и не муж. Один опекун у меня уже есть, другой мне не нужен.

– Нужен, если ваш нынешний позволяет вам разгуливать в подобных нарядах. – Сэр Алекс замолчал, не сводя с нее сурового взгляда. – Мужчины могут неверно это истолковать.

Джоан душил гнев, она едва сдерживалась, но голос ее прозвучал обманчиво спокойно:

– И что же они подумают?

Если она ожидала, что Сетон смутится и отступит, ее ждало разочарование. Глядя ей прямо в глаза, он сказал без обиняков:

– Что вы хотите заманить их в постель. Деспенсеру явно это пришло в голову.

Быть может, Джоан и понравилась бы дерзкая прямота сэра Алекса, если бы голос его не дрожал от ярости.

– И все это вам поведало мое платье? О, да у вас редкостный талант. А о чем же говорят вам мои туфли? – спросила она со сладкой улыбкой. – Позвольте дать вам подсказку: фраза начинается с «катитесь» и заканчивается словами «к дьяволу».

Но, похоже, рыцарь не оценил ее сарказма.

– Дело не только в платье. Ваше поведение дает повод для крайне неприятных слухов. Как, по-вашему, это выглядит, когда вы с Деспенсером тискаетесь в темном углу среди бела дня?

Значит, он ее видел? Джоан покраснела, хотя не знала за собой вины. Проклятье! Она не совершила ничего постыдного. Лишь использовала то оружие, что было у нее в арсенале, чтобы добыть важные сведения, способные помочь Брюсу в войне. Свою былую уязвимость Джоан превратила в силу. Пришлось заплатить скромную цену, пожертвовать репутацией, но это не давало Сетону права ее судить.

– Я даже думать не хочу, что сказала бы ваша матушка, – прибавил он.

Девушка сейчас же оцетинилась. В словах сэра Алекса было больше правды, чем ей хотелось признать, и это лишь усилило ее злость.

Однако, помня о своей роли и о притворной враждебности к матери, она проговорила:

– Моя мать – мятежница, предавшая своего короля. Она бросила меня, когда мне было двенадцать. Не важно, что она сказала бы или подумала. – Джоан смерила рыцаря жестким взглядом. – Вы не говорили мне, что знакомы с ней. Возможно, тому есть причина? Очевидно, вам не хотелось напоминать людям, что не так давно вы сражались на стороне врага?

Лицо рыцаря залила краска – стрела Джоан попала в цель. Кем он был? Изменником, что переметнулся на вражескую сторону, предав братьев и своего короля. Ему ли читать ей нравоучения о недостойном поведении и неподобающей одежде?

Неужто этот самодовольный лицемер и моралист – тот любезный галантный рыцарь, что отнес ее в спальню месяц назад? Пожалуй, ей следовало поблагодарить его за то, что он избавил ее от иллюзий.

– Вы неверно судите обо мне, – сухо произнес он.

– Как удобно, – язвительно отозвалась Джоан. – Не припомню, чтобы я спрашивала у вас совета как мне себя вести. И почему бы мне не высказать мнение о вашем «поведении»? Интересно, что бы сказала моя мать о том, что вы перешли во вражеский лагерь? По мне, так пусть лучше меня считают шлюхой, чем предательницей.

Лицо Сетона исказилось и потемнело так, что она едва не пожалела о своих словах. Внезапная перемена казалась просто... пугающей. Джоан не думала, что блистательный рыцарь может выглядеть так устрашающе. Теперь его нетрудно было вообразить грозной тенью в черном шлеме.

Запоздало спохватившись, она хотела отступить на шаг, но Сетон удержал ее за локоть. Она никогда не испытывала подобной беспомощности в руках мужчины. Его пальцы сомкнулись словно стальной капкан, она кожей чувствовала каждую фалангу.

Святая Мария, ну и сила! И эти руки...

Джоан задрожала.

Она почти забыла, что стоит посреди главной улицы перед входом в лавку, и вспомнила, лишь когда Сетон затащил ее за угол. Очевидно, тот понял, что они привлекают внимание.

– Я не предатель, – грубо бросил он. – У меня были свои причины.

Джоан в этом не сомневалась, свои причины были и у нее. Не обращая внимания на бешеный стук сердца, она с вызовом подняла брови.

– А я не шлюха.

Казалось, ее слова привели Сетона в замешательство. Он нахмурился.

– Я никогда вас так не называл.

– Разве? – Свободной рукой она распахнула накидку. – Но взгляните на мое платье.

Он опустил глаза, и все вдруг изменилось. Полыхавшая в воздухе ярость сменилась чем-то иным. Жарким, темным, как грозовая туча, и еще более опасным.

Джоан остро ощущала тяжесть его взгляда, словно горячая ладонь легла ей на грудь. Ее обдало жаром, соски отвердели под этим пристальным взглядом.

Сэр Алекс стиснул зубы.

В животе у Джоан что-то сжалось... там, внизу.

На шее у рыцаря забились синяя жилка, вокруг рта обозначились крошечные морщинки.

Он страстно желал ее, но, похоже, против собственной воли, и это неожиданно ранило Джоан. Боль была так сильна, что Джоан почувствовала вдруг неведомую прежде злобу. И нестерпимое желание заставить его пожалеть о своих словах. Взять назад каждое из них.

Если он хотел считать ее шлюхой, так тому и быть. Он ничем не отличался от остальных. Люди никогда не оправдывают надежд. Чего еще она ожидала?

Джоан наклонилась и прижалась к нему всем телом:

– А что вы скажете теперь, сэр Алекс? – Она игриво взглянула на него. – Хотя, уверена, благородные рыцари вроде вас слишком праведны, чтобы тискаться по углам.

Стоило Джоан прильнуть к нему, и на Алекса обрушилась буря чувств, прежде незнакомых. Было нестерпимой мукой сдерживать себя, видя так близко ее божественные груди, жадно пожирая глазами восхитительные полные округлости и прелестную ложбинку в дразняще глубоком вырезе платья.

Боже милостивый, ее платье открывало больше, чем скрывало, лиф так плотно облегал грудь, что казалось, натянутая до предела ткань вот-вот не выдержит и лопнет. Ему стоило лишь протянуть руку, скользнуть пальцем по вырезу корсажа, и он увидел бы розовый сосок. Какого же они цвета? Нежно розовые или сочные, темно-красные, как ее губы, похожие на спелые ягоды?

Смотреть было мучительно, но когда она прижалась к нему грудью, то была попытка, да такая, какой он прежде не знал. Алекс изнемогал от желания коснуться ее грудей, ощутить в ладонях их тяжесть, провести пальцем по шелковистой коже, найти соски и прильнуть к ним губами, языком. Одна мысль об этом сводила его с ума. Тело его будто окаменело.

А ее манящие глаза, полные соблазна. Они завораживали, внушали мысли о наслаждениях. О жарких объятиях на смятых простынях, о потных обнаженных телах, о грехе и страсти, о вождении.

Эта женщина была воплощением соблазна и плотских желаний, ожившей дьявольской фантазией. Ценой невероятных усилий Алекс сдержался, не схватил ее в объятия, не прижался губами к нежному алому рту. Он знал, на вкус ее губы божественны, а кожа источает дивный аромат. Будто теплый мед и весенние цветы...

Страсть, клокодавшая в нем, привела его в ярость. Черт возьми, он понимал, что делает Джоан. Дразнит его, пытается соблазнить. Поддаваться было нельзя. Но проклятое тело не желало слушать доводы рассудка, напряженные мышцы сводило болью.

Может, она и играла с ним, но ее уловка удалась. Дьявол, Алекс готов был принять приглашение и преподать ей урок. Пусть узнает, что значит дразнить прутиком голодного льва, или, говоря иными словами, прижиматься к нему едва прикрытой грудью, о которой он мечтал столько ночей.

Алекс обхватил ее за талию и теснее прижал к себе, чувство было столь острым, что у него вырвался глухой стон. Казалось, Джоан тает в его объятиях. Она тихо вскрикнула, и он готов был заглушить этот возглас поцелуем, как вдруг опомнился и отшатнулся.

Господи, да что с ним творится? Проучить женщину? Нет, это не в его характере. Почему же он вел себя как дикарь? Женщин следовало защищать, оберегать, обращаться с ними почтительно и учтиво.

Он выпустил Джоан так внезапно, что та едва устояла на ногах. На лице ее отражалась растерянность, чему Алекс не находил объяснения. Она поморгала, словно от яркого света, глядя на него затуманенными глазами.

Несомненно, она ожидала, что Алекс ее поцелует, и явно удивилась, когда он этого не сделал.

Но, возможно, здесь скрывалось что-то еще? Кажется, она хотела, чтобы Алекс ее поцеловал? Быть может, ее игра заключала в себе не только забаву, как ему подумалось?

Он взъерошил ладонью волосы и приказал себе не думать об этом. Эта девушка совершенно его запутала. При мысли о том, что едва не совершил нечто бесчестное, а возможно даже непростительное, его обожгло стыдом.

Как это вообще могло случиться, черт побери?! Он лишь хотел поговорить с ней. Но когда Джоан выскользнула за ворота замка, вместо того чтобы вернуться в башню, ему стало любопытно, куда она направилась и (что уж тут скрывать) кто ее спутник.

Он пришел в ярость, попросту рассвирепел, и повел себя чертовски глупо.

Проклятье, он хотел только защитить ее, предостеречь, но все его добрые намерения разлетелись прахом. Положение требовало тонкой дипломатии, а Алекс пошел напролом, круша все вокруг, будто безумец с кувалдой. Прежде заставить его потерять самообладание удавалось одному только Бойду.

Алекс перевел дыхание, пытаясь укротить чувства, что еще бурлили в его крови.

– Я не хотел... – Он осекся, потом заговорил снова: – Боюсь, я должен перед вами извиниться.

Под ее настороженным взглядом он почувствовал мучительный стыд. Нет, черт возьми, это было совсем на него не похоже. Он не препирался с молодыми женщинами, не срывался, не теснил их к стене, не пытался ими овладеть.

Впрочем, настороженность не смягчила язвительности Джоан.

– Извиниться за что? – спросила она. – За то, что вы преследовали меня? За то, что задержали меня на улице? За то, что читали мне нравоучения, указывали, как нужно себя вести, хоть это вовсе вас не касается? За ваше лицемерие и самодовольство? Или за то, что вы сами едва не совершили того, в чем так гневно меня упрекали?

Губы Алекса сжались. Возможно, она была права, черт бы ее побрал, но ее сарказм задел его за живое. Он ведь пытался принести извинения.

– Я лишь хотел вас предостеречь, ради вашего же блага...

– Мне не нужна ваша опека, я о ней не просила.

Алекс почувствовал, как в груди поднимается гнев, и попытался сдержать себя, тело его словно окаменело.

– Едва ли вы сознаете, что творите и к чему это может привести. Последствия могут быть ужасными. Я лишь стараюсь вас защитить.

Его слова не вразумили Джоан. Казалось, она силится обуздать злость.

– Мне не нужен рыцарь в сверкающих доспехах, который спас бы меня от самой себя, сэр Алекс. Вопреки вашему убеждению, будто я не способна думать своей головой, я хорошо знаю, что делаю, и полностью сознаю последствия своих поступков.

– Я не говорил ничего подобного. Черт побери, я вовсе не считаю, будто вы не способны думать своей головой.

Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь прежде бранился в присутствии женщины. Но девушка, похоже, не обратила внимания на брань и держалась так, словно ничего не слышала.

– Может, вы и знакомы с моей матерью, но за меня вы не в ответе, у вас нет права вмешиваться в мою жизнь, читать мне мораль, поучать меня или навязывать свое мнение, будто великую мудрость. Все, о чем я вас прошу, – и это единственное, что мне от вас нужно, – чтобы вы оставили меня в покое.

Взгляды их скрестились, и Алексу подумалось, что глаза его сверкают так же грозно, как и у нее. Он плотно стиснул зубы, опасаясь в запальчивости наговорить лишнего.

Он совершенно обезумел из-за этой девушки. Но с какой стати, что в ней такого? Отчего рядом с ней он ведет себя как полнейший болван и чувствует себя дикарем? Почему даже сейчас, когда она в ярости на него обрушилась, ему страстно хочется притянуть ее к себе, сжать в объятиях и целовать, пока она его не выслушает?

Проклятье!

Когда Джоан зашагала прочь, он не попытался ее остановить. Алекс оставил ее в покое, именно так и следовало поступить с самого начала.

Глава 7

Следующие три дня шел дождь, и появилась возможность отложить верховую прогулку с сэром Хью, но в понедельник, к ужасу Джоан, утро выдалось ясным и солнечным.

Ей бы следовало с нетерпением ждать поездки в Уорк, она это знала, но небольшая отсрочка только усилила ее тревогу, сэр Хью ее пугал. Все три дня он неотступно преследовал ее, точно хищник, готовый напасть. Ей пришлось позаботиться о том, чтобы ни на минуту не оставаться в своей комнате одной, без кого-то из родственников.

Похоже, сэр Хью начал подозревать обман, потому что однажды за ужином отпустил замечание на этот счет, чем еще раз доказал свою проницательность. Джоан сослалась на «обязанности» при кухне, но не могла бы сказать с уверенностью, поверил ли он ее объяснениям. Стоило ему увидеть, как Маргарет подходит к конюшне вместе с Джоан, взгляд его сделался колючим.

– Леди Маргарет, – произнес сэр Хью. – Какой чудесный сюрприз. – Появление дамы его явно не обрадовало.

– Надеюсь, вы не станете возражать, если я поеду с вами, – сказала Маргарет с лучезарной добродушной улыбкой. – Большую часть недели я провела в замке и после вынужденного заточения не могу отказать себе в удовольствии прокатиться верхом.

Джоан старалась выглядеть бесстрашной, когда сэр Хью скользнул цепким взглядом по ее лицу, прежде чем повернуться к Маргарет. Кузина оказалась куда более искусной лгуньей, чем она думала. Джоан попросила Маргарет сопровождать их на прогулке, честно признавшись, что не уверена, можно ли доверять сэру Хью, не попытается ли тот совершить нечто неподобающее.

– Возражать? Конечно же, нет, – ответил рыцарь. – Я буду счастлив разделить общество не одной, а двух прекрасных женщин. – Маргарет очаровательно покраснела и позволила сэру Хью посадить ее на лошадь.

Однако ему не удалось скрыть досаду, и когда он повернулся к Джоан, чтобы помочь ей усесться верхом, та заметила на его лице следы недовольства.

– Я начинаю думать, что, возможно, неверно понял вас, миледи, – проговорил он тихо, чтобы слышать его могла лишь она одна.

Джоан разыграла недоумение.

– Милорд?

– Должно быть, вы не так сильно любите приключения, как уверяли?

Джоан вспыхнула, от души надеясь, что сэр Хью объяснит ее смущение девической скромностью, а не чувством вины.

– Простите, милорд, мне очень жаль, но этого... невозможно было избежать. Маргарет слишком настаивала, я не смогла ей отказать.

Он так пристально взгляделся в ее лицо, что Джоан с трудом сдержала дрожь.

– Так вы не передумали?

Она покачала головой.

– Хорошо. – Темные, словно два холодных оникса, глаза рыцаря смотрели твердо. – Мне не нравится чувствовать, будто меня водят за узду, как эту лошадь.

В его голосе явственно слышалось предостережение. Сэру Хью наскучила роль охотника. Он больше не желал слушать отговорки, Джоан понимала, что морочить ему голову и дальше не удастся. Она вступила на опасный путь. Насколько далеко готова она зайти, чтобы добыть нужные сведения?

Выбрав себе цель, Джоан впервые столкнулась с серьезным препятствием и теперь не знала, как поступить. Сэр Хью действовал не так, как другие. Она боялась, что переоценила

свои силы. Возможно, ей не доставало опыта в обращении с мужчинами. Хью Деспенсер был всего лишь четвертым рыцарем, с которым она пыталась сблизиться ради ценных сведений.

Обольщение молодых рыцарей, занимавших высокие посты, давалось ей легко, добывание важных известий не требовало от нее особых усилий, она и раньше занималась подобным. Джоан с ловкостью оказывалась в нужном месте в нужное время, чтобы подслушать разговоры своих опекунов и стражей. Ей удавалось незаметно менять тему разговора и, не показывая своего интереса, побуждать людей разговориться. Она умела заставить их хвастаться и невольно выбалтывать свои секреты, а затем тихо исчезала, «уходила в тень», так что все о ней забывали. Так почему бы не испробовать эти же приемы с молодыми мужчинами, которые за ней увивались? Эти юноши не всегда были легкой добычей, но, по крайней мере, она знала, как с ними справиться. А вот о сэре Хью она не могла этого сказать! Тут не помог бы и сонный порошок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.